

ЗАРУБЕЖЬЕ

Познаете Истину
и Истина сделает
вас свободными.
Еванг. от Иоанна.

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

№ 1 (45)

МАРТ 1975

МЮНХЕН

PRO DOMA SUA

Первый номер «Зарубежья» вышел в сентябре 1964 г. Десять лет — это детский возраст. С другой стороны, этот срок не так уж и мал, если принять во внимание условия нашей эмигрантской жизни. Ведь все работают в журнале добровольно в свободное от своего основного занятия время, никто не только не получает жалованья или гонорара, но часто даже доплачивают из своего кармана, так как добровольных пожертвований поступает далеко недостаточно. Время приходится отрывать от отдыха и сна.

На первом организационном собрании в октябре 1963 г., созванном ныне покойным Игнатием Демьяновичем Шалдерваном, не было задумано просто увеличить число эмигрантских изданий еще на одно. Инициативная группа поставила себе ограниченную, но все же гордую задачу заполнить некий пробел в эмигрантских публикациях. В эмиграции много изданий литературного, мемуарного, военного характера и др. Есть также и специальные религиозные и церковные издания. Но в то же время не было еще ни одного издания светского типа, которое ставило бы себе целью знакомить читателя с христианским мировоззрением, с христианской философией. Поэтому инициативная группа считала важным создать журнал такого типа. Она уверена, что только религия, и в первую очередь христианство — подлинный глубинный противник захватывающего весь мир материализма, который отрицает все духовные феномены. Только христианство — истинный противник возрождающегося неомарксизма. Победное шествие этой научно давно опровергнутой «философии», которая на практике показывает только отрицательные результаты (материальное положение трудящихся в странах так называемой «народной демократии» во много раз хуже, чем в странах свободного мира), показывает, что при утрате веры люди ищут себе идолов, даже самых кровавых. В результате всего этого происходят неопишуемые бедствия, гибель целых народов и, что еще хуже, калечение душ. Происходит подмена ценностей: честность, благородство, порядочность приравниваются к глупости или считаются пережитками старины. Процветают оппортунисты, беспринципные, на все готовые люди. Только при этих условиях возможно возникновение гигантских тоталитарных государств, опирающихся на страх, оппортунизм и беспринципность.

Задачу, которую поставил себе журнал, он не может, конечно, выполнить во всем ее объеме, но есть поговорка, что «капля камень точит» и другая: «Москва от одной свечки сгорела». Поэтому редакция не думает, что ее усилия остаются совсем бесплодными. Кроме того, всякий пример заразителен: после появления нашего журнала и в других периодических изданиях, более крупных, стали печататься статьи на темы христианской философии.

Скажем еще несколько слов о том, какое лицо мы хотели бы придать «Зарубежью». Как правило, передовая является единственной статьей, которая может быть написана на злобу дня. Однако, как известно, нет правил без исключения. Другие статьи редакция старается подбирать так, чтобы они были вне календаря. В качестве

философской статьи печатаются не только оригинальные статьи современных авторов, но также отрывки или главы из произведений наших великих уже покойных христианских мыслителей, часто уже забытых или, к сожалению, даже совсем неизвестных нашей читающей публике. Затем в журнале обычно помещается большая статья исторического, экономического или политического характера. Последняя часть журнала посвящена хронике эмигрантской жизни, полной культурных и религиозных начинаний. Мы должны признаться, что и сама редакция была удивлена обилием разбросанных по всему миру русских храмов, школ, юношеских организаций, старческих домов, всевозможных организаций культурного, профессионального и традиционного характера. Сколько выстроено и еще строится русских домов, библиотек, концертных залов, клубов, сколько устраивается молодежных и детских лагерей Зарубежной Русью! Нам можно или даже, вернее, следует этим гордиться.

Русская эмиграция завоевала себе во всем мире совершенно определенное положение. Она повсеместно пользуется уважением своих новых сограждан. Разбросанная по пяти континентам, она все же, несмотря на протекшие десятилетия, сохранила характерные русские черты и по праву может называться Зарубежной Русью. Отсюда и название нашего журнала.

Необходимо также сказать несколько слов о наших читателях, находящихся, как мы говорим, «там», т. е. на нашей родине. Конечно, «Зарубежье», как и другие эмигрантские издания, проникает в Россию. Известно, что отдельные статьи там размножаются. Многие из новоприехавших видели только отдельные статьи из журнала, или вырезанные, или перепечатанные.

Наш журнал был еще совсем молодой, когда на него обратил внимание небезызвестный В. Кочетов. В своем романе «Чего же ты хочешь?» («Октябрь», № 9, 1969 г.) он не только называет его в числе других эмигрантских изданий, но даже отдельно еще три раза указывает на статьи из нашего журнала, не отмечая, впрочем, что это именно из «Зарубежья». Все же эта реклама доставила нам много удовольствия. Спасибо гражданину Кочетову!

Полное удовлетворение нам доставляют отдельные голоса одобрения, доходящие к нам «оттуда», похвалы ряда выехавших из Сов. Союза, причем нам особенно дорог и ценен отзыв А. И. Солженицына, который он высказал лично.

В заключение хочется поблагодарить многочисленных друзей журнала, не забывающих его и не отказывающих в помощи. Помощь эта бывает самая разнообразная: интересные сообщения для хроники, статьи, книги, присланные на отзыв, указание на интересную публикацию, помощь в распространении журнала и т. п. Только на основе такого постоянного и дружеского сотрудничества возможно существование всякого эмигрантского периодического издания и особенно нашего «Зарубежья». Пожелаем ему «Многая лета!».

Н. А. БЕРДЯЕВ

Конец Ренессанса

(ВХОЖДЕНИЕ МАШИНЫ*)

Теперь мы подходим к самой центральной теме чтений по философии истории — к теме о конце Ренессанса и о кризисе гуманизма. Я ощущаю эпоху, в которую мы вступаем, как конец ренессансного периода истории. Требуется особого разъяснения, почему ренессансная энергия новой истории истощилась, почему творческий дух Ренессанса постепенно угасал и рождался другой дух. Для того чтобы постигнуть глубинную сущность этого процесса, нужно обратиться к первоначальной основе всего исторического процесса, как я его раньше уже обрисовал. В основе исторического процесса лежит отношение человеческого духа к природе и судьба человеческого духа в этих взаимодействиях с природой. Это составляет первоначальную ткань исторического процесса. Можно установить три периода в отношении человека к природе: первоначальный период — дохристианский, период языческий, который характеризуется еще погруженностью человеческого духа в стихийную природу и непосредственной органической слиянностью с природой. Эта погруженность человеческого духа в природу является первоначальной стадией отношений между человеком и природой. В этот период человек воспринимал природу анимистически. Следующая стадия отношений человека к природе связана с христианством и продолжается в течение всего средневековья. Она стоит под знаком героической борьбы человеческого духа с природными стихиями, с природными силами. Этот процесс борьбы человеческого духа с природой характеризуется отворачиванием от природы, обращением человеческого духа внутрь, в глубину, отношение к природе, как к источнику греха, к источнику порабощения человека низшими стихиями. Наконец, третий период отношения человеческого духа к природе, который начался в эпоху Ренессанса, характеризуется новым обращением человеческого духа к природной жизни. Но это новое обращение человеческого духа к природной жизни очень резко отличается от того непосредственного общения с природой, которым началась всемирная история, которое было начальной стадией взаимодействия между духом и природой. Здесь уже происходит не духовная борьба со стихиями природы, которая характерна для средневековья и для наиболее христианского периода истории, а борьба во имя покорения и завоевания природных сил для превращения их в орудие человеческих целей, человеческого интереса и благополучия. То обращение к природе, которое началось в эпоху Ренессанса, не сразу раскрыло такого рода отношения, первоначально оно было лишь художественным и познавательным созерцанием тайн природы. В дальнейшем обнаруживается новое отношение человека к природе. Завоевывается и покоряется человеку внешняя природа, и от этого меняется сама человеческая природа. Внешнее покорение природы меняет не только природу, не только образует новую среду, но меняет и самого человека. Сам человек под влиянием этого процесса радикальным и коренным образом изменяется. Происходит переход от органического типа к механическому. Если предшествующая стадия знаменовалась органическим отношением человека к природе и ритм человеческой жизни соответствовал ритму жизни природной, если самая материальная жизнь человеческая протекала как жизнь органическая, то, с известного момента истории, происходит очень радикальный сдвиг и переворот: пере-

ход к механическому и машинному складу жизни. История ренессансного периода, который продолжался несколько столетий, не совпадает с Ренессансом в точном смысле слова. XVI, XVII и XVIII века — переходный период, когда человек считает себя свободным от организма и еще не подчиненным механизму. Человеческие силы отпущены на свободу для творческого действия. Человек вышел уже из недр органической жизни, общественной и индивидуальной, но развязан, он дифференцирован и освобожден от принудительной связи с центром органическим, которому был раньше подчинен. Но не образовалось новой связи и скрепы с новым центром, не образовалось еще механизма, как нового уклада и нового соподчинения. Этот период богатой содержанием истории воспринимается как наиболее свободное проявление играющих творческих сил человека. В этот период человек не подчинен ни старому органическому центру, ни новому механическому центру.

Что же произошло в истории человечества, что радикально изменило весь склад и ритм жизни и что, ускоренным темпом, положило начало тому концу Ренессанса, который намечается в XIX веке и в XX достигает наиболее резкого своего выражения? По моему глубокому убеждению произошла величайшая революция, какую только знала история — кризис рода человеческого, революция, не имеющая внешних признаков, приуроченных к тому или другому году, подобно революции французской, но несоизмеримо более радикальная. Я говорю о перевороте, связанном с вхождением машины в жизнь человеческих обществ. Я думаю, что победоносное появление машины есть одна из самых больших революций в человеческой судьбе. Мы еще недостаточно оценили этот факт. Переворот во всех сферах жизни начинается с появлением машины. Происходит как бы вырывание человека из недр природы, замечается изменение всего ритма жизни. Ранее человек был органически связан с природой и его общественная жизнь складывалась соответственно с жизнью природы. Машина радикально меняет это отношение между человеком и природой. Она становится между человеком и природой, она не только по видимости покоряет человеку природные стихии, но она покоряет и самого человека; она не только в чем-то освобождает, но и по-новому поработает его. Если ранее человек находился в зависимости от природы, если скудна была его жизнь в силу этой зависимости, то изобретение машины и та механизация жизни, которой это сопровождается, с одной стороны обогащает, но, с другой стороны, создает новую форму зависимости и рабства, гораздо более сильного, чем то, которое чувствовалось от непосредственной зависимости человека от природы. Какая-то таинственная сила, как бы чуждая человеку и самой природе, входит в человеческую жизнь, такой-то третий элемент, не природный и не человеческий, получает страшную власть и над человеком и над природой. Эта новая страшная сила разлагает природные формы человека. Она подвергает человека процессу расчленения, разделения, в силу которого человек как бы перестает быть природным существом, каким он был ранее. Эта сила более всего сделала для окончания Ренессанса. Мы встречаемся здесь с очень странным на первый взгляд и загадочным парадоксом, вникнув в который мы очень многое поймем в новой истории. Парадокс заключается в том, что ренессансная эпоха истории началась с обращения к природе, с искания совершенных природных форм. С этого началось искусство и познание эпохи Ренессанса. Хотели как бы оприродить и натурализовать общественную жизнь человека. Это обращение от-

*) Николай Бердяев. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. 2-е изд. Париж 1969.

крывало новую эру, идущую на смену средневековой борьбы человека с природой, средневековому отворачиванию от природы. Но дальнейшее развитие Ренессанса, развитие гуманизма раскрывает в этом обращении такое начало, которое по-новому и гораздо более глубоко отрывает человека от природы, отрывает его так, как он никогда в эпоху средневековья не был оторван. Леонардо да Винчи, один из величайших гениев Ренессанса, не только в художественном, но и в научном отношении, по творчеству которого можно изучать дух ренессансного человека и в котором очень многое началось от нового духа, Леонардо да Винчи, искавший источники совершенных форм искусства и познания в природе и, может быть, больше других постоянно об этом говоривший, был одним из виновников того грядущего процесса механизации и механизации человеческой жизни, который убил ренессансное обращение к природе, оторвал человека от природы, по-новому поставил между человеком и природой машину, механизировав человеческую жизнь и замыкая человека в искусственную культуру, в этот период создаваемую. Таким образом, ренессансное обращение к природе, которое не было делом духовного человека и раскрывало лишь природного человека, не заключало никаких гарантий от того процесса, который должен был отвратить человека от природы и начать процесс разложения и распыления самого человека как природного существа. Процесс этот в конце новой истории идет ускоренным темпом и представляет совершенно новое явление, противоположное исходным началам Ренессанса. Этот процесс истощения творческих сил человека в результате отрыва его от духовного центра жизни и исключительное обращение к периферии жизни сопровождается гибелью всех гуманистических иллюзий. Колеблется и разлагается образ человека, личность человека, которую выковало христианство в средние века. В эпоху раннего Ренессанса приоткрывается творчество духовного человека, но в дальнейшем природный человек, оторванный от духовного человека, не мог удержать свою личность и не имел неисчерпаемого творческого источника. Человек уходит на внешнюю периферию жизни, обращает свои силы на создание механического машинного царства. Укрепление творчества человека связано с раскрытием в человеке глубинного, сверхчеловеческого, божественного начала. Когда человек отрывается от этого божественного начала, когда он закрывает в себе доступ к нему и ему доступ к себе, тогда он колеблет в себе человеческий образ, тогда делается он все более и более бессодержательным, а воля его — беспредметной. Высший творческий источник и высшая цель, которые не могут быть человеческими, исчезают, закрываются родники творчества, исчезает предмет творчества. Это иссякание живых родников творчества, которое по природе своей должно быть признано не только человеческим, но и сверхчеловеческим, это исчезновение цели и предмета творчества, которые должны быть признаны сверхчеловеческими, означают разложение человека, потому что человек, вступивший на путь исключительного самоутверждения, когда он перестает признавать высшее начало, когда он признает себя самодовлеющим существом, истребляет себя по неизбежной внутренней диалектике, отрицает себя. Для того чтобы человек до конца утвердил себя и не утратил источника и цели своего творчества, он должен утверждать в себе только себя, но и Бога. Он должен утверждать в себе образ Божий. Если он не носит в себе образа высшей Божественной природы, — он теряет всякий образ, он начинает подчиняться низшим процессам, низшим стихиям, начинается расчленение на элементы его собственной природы, он начинает подчиняться той искусственной природе, которую он сам вызвал к жизни, подчиняться природе механической машины, и это его обезличивает, обессиливает, уничтожает. Для того чтобы утвердилась человеческая индивидуальность, человеческая личность, для этого она должна сознавать свою связь с началом более высоким, чем она сама, для этого она должна признать существование другого, Божественного начала. Когда

человеческая личность ничего не хочет знать кроме себя, она расплывается, допуская вторжение низших природных стихий, и сама исходит в этой стихии. Когда человек ничего не признает кроме себя, он перестает ощущать себя, потому что для того, чтобы ощущать себя, нужно признать и не себя, для того чтобы быть до конца индивидуальностью, нужно признавать не только другую человеческую личность и индивидуальность, нужно признать Божественную личность. Это и дает ощущение человеческой индивидуальности, безграничное же самоутверждение, не желающее ничего знать над собой, которое оказалось пределом гуманистических путей, ведет к потере человека. Гуманизм направляется против человека и против Бога. Если ничего нет над человеком, если нет ничего выше человека, если человек не знает никаких начал кроме тех, которые замкнуты в человеческом круге, человек перестает знать и самого себя. Последствием отрицания высшего начала является то, что человек роковым образом подчиняется низшим, не сверхчеловеческим, а подчеловеческим началам. Это является неизбежным результатом всего длинного пути безбожного гуманизма в новой истории. Индивидуализм, не знающий границ и ничему себя не подчиняющий, расшатывает индивидуальность. Мы видим в последних плодах новой истории странную и таинственную трагедию человеческой судьбы. С одной стороны мы видим раскрытие идеи индивидуальности, которой не знала предшествующая эпоха, которая открывает что-то новое в человеческой культуре и вносит какие-то новые ценности, с другой стороны мы видим такое расшатывание человеческой индивидуальности, какого раньше никогда не было. От безграничности и безудержности индивидуализма индивидуальность погибает. Мы видим действительный результат всего гуманистического процесса истории: гуманизм переходит в антигуманизм.

Для того чтобы особенно остро ощутить этот процесс перехода гуманизма в свою противоположность, возьмем двух властителей дум последних десятилетий XIX века и начала XX века, двух гениальных людей, принадлежащих к противоположным полюсам человеческой культуры, не имеющих между собой ничего общего, представителей совершенно разных и враждебных духовных укладов, но одинаково властно наложивших свою печать на судьбу человечества. Один наложил свою печать на индивидуальные вершины духовной культуры, другой — на человеческие массы, на социальную среду. Я говорю о Фридрихе Ницше и о Карле Марксе. Эти два человека, которые нигде, ни в одной точке не встречаются, которые могут лишь взаимно отталкиваться, одинаково кончают гуманизм и начинают переход в антигуманизм. В них человеческое самоутверждение, по-разному, переходит в отрицание человеческого образа и происходит это на двух совершенно противоположных путях. У одного из них, у Фридриха Ницше, который есть плоть от плоти и кровь от крови гуманизма и, вместе с тем, кровавая жертва, принесенная за грехи гуманизма, гуманизм кончается индивидуалистически. В его образе, в его судьбе, расплачивается новая история за ложь, допущенную в первоисточках гуманизма. Гуманизм в Ницше кончает свою бурную, трагическую историю. Это выражено в словах Заратустры: «Человек есть стыд и позор, он должен быть преодолен». У Ницше происходит преодоление и переход гуманизма в антигуманизм в форме идеи сверхчеловека. В идее сверхчеловека гуманизм кончается на вершине культуры. На новом антигуманистическом пути человек отрицается как позор и как стыд во имя сверхчеловека. В этом сказались страстная и бурная потребность в сверхчеловеческом. Но то, как Ницше переходит к сверхчеловеку, обозначает отрицание человека, самоценности человеческого образа, человеческой личности, безусловного ее значения. То, что было одной из глубочайших основ христианского откровения, что было внесено христианством в духовную жизнь — признание безусловного значения человеческой души — Ницше отрицает. Человек есть лишь преходящий момент, лишь средство для явления в мир высшего существа;

он целиком приносится в жертву этому сверхчеловеку, во имя сверхчеловека человек отрицается и отвергается. Ницше восстает против гуманизма как против величайшей помехи на путях утверждения сверхчеловека. Таким образом, в судьбе гуманистического индивидуализма происходит перелом. После Ницше возврат к гуманизму уже невозможен. Он глубоко вскрыл противоречия гуманизма. Заканчивается европейский гуманизм на вершинах духовной культуры, и умирает срединное гуманистическое царство, царство чистой человечности, чистой гуманистики. Культура с гуманистическими науками и искусствами делается невозможной. Ницше духовно открывает какую-то новую эру по ту сторону гуманизма, которая обозначает глубочайший кризис гуманизма. Глубокие духовные течения, которые возникают после Ницше, не носят гуманистического характера, они определенно окрашиваются в религиозно-мистический цвет. Гуманистические начала оказываются старомодными, за которые держаться уже нельзя. В процессе все большего углубления свергают и отодвигают на второй план гуманистический тип культуры. Так произошло падение гуманизма в лице одного из гениальнейших людей, в лице Фр. Ницше. В его страдальческой судьбе совершилось падение гуманизма. Но Ницше был еще обращен с какой-то страстной тоской к Ренессансу. Он тосковал оттого, что силы Ренессанса истощались. Он в самом себе чувствовал иссякание силы Ренессанса, и это выражено в таких характерных для него проявлениях, как идеализация образа Цезаря Борджии. Рисуя этого героя эпохи Ренессанса, он старался восстановить иссякающие творческие силы и создать как бы возможность нового Ренессанса. Но творческая гениальная индивидуальность Ницше обозначала не это новое возрождение, не этот ренессанс Ренессанса, а обозначала его кризис, его конец. В Ницше, который так страстно и бунтующе утверждал творческую индивидуальность, который дошел до последнего дерзновения в утверждении индивидуальности, человеческий образ тускнеет и вырисовывается пока еще таинственный, но жуткий образ сверхчеловека, черты которого лишь грезятся, в котором есть какое-то подлинное религиозное упование о каком-то высшем состоянии, но есть в то же время и возможность религии антихристианской, безбожной, сатанической.

В другом человеке, одаренном исключительно острым умом и большой силой и ни в чем не похожем на творческий и привлекательный образ Фр. Ницше — в образе К. Маркса, — с не меньшей остротой переживается конец Ренессанса и кризис гуманизма. В то время, как в личности Фр. Ницше происходит индивидуалистическое самоотрицание человека и самоотрицание гуманизма, в К. Марксе происходит коллективистическое саморазложение гуманизма и коллективистическое колебание образа человека. Подобно Ницше, и К. Маркс не может удержаться на одном только человеческом, на утверждении человека, человеческой индивидуальности. И он переходит к нечеловеческому и сверхчеловеческому. Но нечеловеческое и сверхчеловеческое сознание К. Маркса отличается от нечеловеческого и сверхчеловеческого у Фр. Ницше. И К. Маркс, подобно Ницше, отрицает самоценность человеческой индивидуальности и личности, он отрицает христианское откровение о человеческой душе и ее безусловном значении. Для него человек является лишь орудием для явления нечеловеческих и сверхчеловеческих начал и во имя этих нечеловеческих и сверхчеловеческих начал он также объявляет войну против гуманистической морали: он проповедует жестокость к человеку и к ближнему во имя создания нечеловеческого, сверхчеловеческого царства коллективизма. В этих двух антиподах, в этих двух полярных явлениях есть формальное сходство, есть два конца ренессансного периода истории, два исхода из кризиса гуманизма, два способа перерождения гуманизма в антигуманизм, две формы самоистребления человека. К. Маркс есть также дитя человеческого самоутверждения, человеческой гордыни, восставшей на Бога, утверждавшей и признававшей только себя и свою человеческую

волю как высшую волю. К. Маркс, в самом истоке своего пути, отвергает всякое сверхчеловеческое начало. Не случайно он философски исходит из антропологизма Фейербаха, для которого человек сделался Богом и тайны религии были тайнами человеческой природы. На этих путях человеческого самоутверждения, человеческой гордыни и признания только человеческой воли происходит внутренний крах человека. Здесь, так же, как у Ницше, вырисовываются неясные черты грядущего явления сверхчеловека, во имя которого отрицается человек. Так у Маркса вырисовываются неясные, но страшные черты нечеловеческого коллектива, во имя которого отрицается человек. Человек признается средством и орудием для появления нечеловеческого коллектива, в котором должен погибнуть лик человеческий, человеческий образ должен быть подчинен новому коллективному целому, распространяющему на все и на вся свои страшные шупальцы и отрицающему самоценность всего чисто человеческого, всех чисто человеческих черт. Для Маркса заветы гуманистической морали теряют всякую ценность. Гуманистическая мораль является для него старой буржуазной моралью ренессансного периода истории, буржуазной и вся гуманистическая культура. В старом буржуазном царстве провозглашены были права человека. Все это старое буржуазное царство подлежит гибели, оно разложится и на месте его возникнет новое, не гуманистическое, не человеческое, в котором будет своя новая нечеловеческая, негуманистическая мораль и культура, со своими новыми, нечеловеческими «наукой» и «искусством» — это и будет новое явление страшного «коллектива». В К. Марксе, как и в Фр. Ницше, раскрылся предел гуманизма: у Ницше предел этот раскрылся на вершинах культуры, у Маркса — в массовых низах. Проникновение в то, что приносит с собой эти люди, наложившие страшную печать на последние десятилетия жизни человечества и на Западе и у нас, очень многое должно раскрыть в самом внутреннем существе процесса перерождения гуманизма. В Марксе происходит окончательное отворачивание от всех заветов эпохи Ренессанса. Если Ницше тоскует по великому творчеству Ренессанса и хочет оживить его источники, то Маркс уже не тоскует. Он объявляет войну самим первоисточкам Ренессанса и все творчество Ренессанса объявляет идеологической надстройкой над экономическим базисом, в котором царствует эксплуатация человека человеком. Иссякает Ренессанс, кризис гуманизма заканчивается. Радость ренессансного чувства жизни, та радость, которая была сначала с этим свободным периодом человеческой жизни, с свободной кипучей игрой сил — исчезает, к ней нет уже возврата. В новый период начинает колебаться и образ природы и образ человека. В колебании этом играет колоссальную роль то изменение человеческой жизни, которое связано с вхождением в человеческую жизнь машины. Изменение, которое мы видим в Марксе, имеет глубочайшую связь с вхождением машины; этот факт наиболее поразил Маркса, поразил настолько, что он положил его в основу своего мирознания, сделал его первичным фактом всей человеческой жизни и раскрыл все его необъятное значение для человеческой судьбы.

Наступление конца Ренессанса связано с тем, что процесс демократизации наносит существенный урон и, в конце концов, отрицает самую возможность возрождения, потому что Ренессанс, по природе, своей, аристократичен. Я думаю, что и весь гуманизм и царство гуманизма, по существу своему, — аристократичны. Демократизация культуры, распространение культуры на человеческие массы и вхождение масс в культуру изменяет весь уклад жизни и делает невозможным это средне-аристократическое человеческое царство. Этот процесс ставит на совершенно другие рельсы, на другие пути, всю человеческую историю. Человек, к концу новой истории, в период кризиса гуманизма, переживает глубокое одиночество, покинутость, оставленность. В средние века человек жил в корпорациях, в органическом целом, в котором не чувствовал себя изолированным атомом, а был органической частью

целого, с которым он чувствовал связанной свою судьбу. Все это прекращается в последний период новой истории. Новый человек изолируется. Когда он превращается в оторванный атом, его охватывает чувство невыразимого ужаса и он ищет возможности выхода путем соединения в коллективы, для того чтобы преодолеть и прекратить это одиночество и покинутость, которые грозят гибелью, духовным и материальным голодом. На этой почве, от этой атомизации и рождается процесс обращения к коллективизму, создание нового начала, в котором человек ищет исхода из своего одиночества.

С ренессансным самочувствием человека, тем новым самочувствием, которым начинается вступление человека в новую историю, рождается уверенность в своих безграничных творческих силах, в своей способности созидать жизнь путем искусства, в безграничность своего познания в смысле проникновения в тайны природы. Эта самоуверенность человека давно уже начала ослабевать. Она заменяется сознанием ограниченности человеческих сил, ограниченности творческой мощи человека и заменяется раздвоением человека, рефлексией его над самим собой. Самоуверенность и самоутверждение человека из индивидуального становится коллективным. Но вопрос об ограничении могущества человека в разных областях, в путях отрицания всего сверхчеловеческого, отрицания всякой связи между человеком и сверхчеловеческим приводит, в конце концов, к торжеству позитивной философии. Человек, утверждая только самого себя и отрицая в себе большее, чем человеческое, в конце концов, подрывает сознание своей мощи. Это — одно из парадоксальных противоречий всего гуманизма новой истории. В то время как он начал с утверждения могущества человека в его познании и искусстве, в пересоздании человеческого общества и во всех других сферах, в дальнейшем эта погруженность человека исключительно в самого себя и замкнутость от всего сверхчеловеческого приводит к тому, что человек начинает сомневаться в безграничности своих сил. Такого рода кризис гуманизма, такого рода рефлектирующее сомнение человека началось уже давно. Оно проявляется во всех сферах человеческой культуры. Это разложение гуманизма происходит во всех областях. Начнем с области познания. Познанию ренессансный человек отдавался экстатически, полный веры в постижимость для него тайн природы. Казалось, что католическая догматика ставила границы его познанию и новый человек хотел вырваться из этих ограничений. В натурфилософии, в естественных науках Возрождения, в самой магии, которая расцветала в разнообразных формах в эпоху Возрождения, чувствовал человек безграничную мощь своего познания; он не рефлексировал над своими познавательными средствами, не сомневался в них. В дальнейшем этот процесс исключительного утверждения мощи человеческого познания оторвал познание от высших религиозных и духовных основ, с которыми оно было связано в эпоху средневековья и в древнем дохристианском мире, и это привело к подрыву познавательных средств человека. Начинается рефлексия, которая находит свое гениальное выражение в философии Канта. Уже в кантианстве замечаются духовные симптомы окончания Ренессанса. Уже пафос Канта не есть пафос Ренессанса, не есть пафос радости познания, сознания безграничных его перспектив. Пафос Канта есть рефлектирующее сознание границ познания, потребность в юридическом оправдании. Такое познавательное самочувствие человека есть уже начало иссякания ренессансной познавательной энергии. Познавательный подъем Ренессанса создает такое могущественное развитие науки в лице Галилея, в лице Ньютона. Кант же делает предметом критической рефлексии математическое естествознание. Эта критическая работа, которая начинается с сомнения в безграничной познавательной мощи человека, порождает целую борьбу с антропологизмом и с гуманистическими началами в познании, которая достигает особенной остроты у Когена и Гуссерля. Все эти направления в борьбе с антропологизмом в философии ставят

вопрос так, что человек оказывается препятствием для осуществления акта познания. Один из выучеников и представителей этого течения в философии употребил такое странное и, на первый взгляд, смешное выражение: субъективистическое присутствие человека является величайшим препятствием для философского познания. Значит, есть какой-то нечеловеческий акт познания, очищенный от всего гуманистического, если производить это слово от слова «человек». Это все — симптомы окончания и преодоления Ренессанса и гуманизма в области познания. Нужно сказать, что такой же конец Ренессанса, может быть в еще более яркой форме, давно уже переживается Европой в явлении позитивизма, который в настоящее время уже изжит и не имеет сильных защитников, но в XIX веке играл большую роль. Позитивизм есть антиренессансное явление и кризис гуманизма. О. Конт, очень замечательный мыслитель, гораздо более замечательный, чем это может казаться по порожденному им позитивистическому течению, представляет собой яркое явление возвращения к некоторым элементам средневековья. Позитивизм О. Конта был тягой к средним векам и попыткой положить конец в области познания, в области духовной жизни и социальной жизни, той свободной игре творческих человеческих сил, которая характерна для эпохи Ренессанса. О. Конт хочет преодоления того, что он называет «умственной анархией», которая связана с французской революцией. Он хочет перейти к органическому типу жизни от типа критического, т. е. хочет духовной централизации, принудительного подчинения нового человека некоторому духовному центру по образцу средневековья, хочет прекращения индивидуального произвола, самочинного и анархического проявления творческих сил. Как и Маркс, он хочет подчинить всю жизнь некоторому принудительному центру, но он видит его в умственной аристократии ученых. О. Конт хочет создать позитивную религию, для которой берет все формы средневекового католического культа: культ позитивных святых, позитивный календарь, религиозная регламентация всей жизни, создание иерархии ученых, — все это возвращение к католичеству без Бога. Берется весь католический тип, но вера в Бога заменяется верой в высшее существо — человечество, во имя которого создается культ «вечной женственности». О. Конт ставит этому существу алтарь у себя в комнате. Этим он доказывает, насколько религиозная природа человека не может быть угадена никакими позитивными выдумками. Это — явление частичного возвращения к средневековому духу, окончание свободного индивидуализма ренессансной эпохи. Позитивизм ставит границы познавательным возможностям человека, не допускает перехода этих границ, и это несомненно противоположно ренессансному духу. Такой же конец Ренессанса, как у О. Конта, чувствуется и в утопическом социализме Сен-Симона. В нем тоже происходит глубокая реакция против французской революции, против философии XVIII века, против всего либерального гуманизма. Конечно, атеистическая религия О. Конта, по содержанию своему, не имеет ничего общего с средневековьем, как и религия Сен-Симона. Но Сен-Симон восстает против критической работы, совершенной просвещением и французской революцией; он хочет создать систему жизни подобно тому, как существовала теократическая система в средние века. Сен-Симон и О. Конт одинаково и не случайно высоко ценили Жозефа де-Местра, — гениальное выражение средневековой реакции против XVIII века и революции. Они искали духовного преодоления индивидуализма. Этот процесс окончания Ренессанса совершается и в жизни государства. И здесь мы имеем очень интересное явление. Вся новая история не только после французской революции, но и до французской революции характеризуется существованием гуманистических монархий. Государство Людовика XIV есть государство гуманистическое. Когда Людовик XIV сказал: «L'état c'est moi», он совершал акт самоутверждения своей человеческой воли. Весь стиль абсолютной монархии Людовика XIV и всех монархий XVII и

XVIII века, родственных ему, не может быть выражен в более ясных формах, это — стиль гуманистического самоутверждения. На это гуманистическое самоутверждение монархической власти французская революция ответила гуманистическим самоутверждением демократии, народ сказал: «L'état c'est moi», революционный народ сказал, что государство это — он. Одному гуманистическому самоутверждению было противопоставлено другое гуманистическое самоутверждение. Гуманистическая демократия есть ответ на гуманистическую монархию. Гуманистическая монархия не может существовать бесконечно, она должна окончиться. Когда человек теряет сверхчеловеческие основы своей жизни, когда утверждаются лишь человеческие начала власти, тогда начинается тот внутренний процесс революции, который должен привести к последнему гуманистическому пределу — революционной демократии. Этот процесс на Западе в классической форме произошел во французской революции, но и падение русской абсолютной монархии в глубине было связано с тем, что в ней совершился процесс человеческого самоутверждения, достигший своего предела в монархии Николая II, и он должен был вызвать процесс самоутверждения революции, как естественную кару за человеческое самоутверждение монархии.

Таким образом государства ренессансного периода истории характеризуются двумя явлениями — гуманистической монархией и гуманистической демократией. Вместе с тем, этот ренессансный период очень характерен для создания национальных государств, как замкнутых национальных организмов. Я думаю, что сейчас мы вступаем в период кризиса и конца гуманистических национальных государств ренессансного периода истории. Если гуманистическая монархия в дальнейшем процессе своего развития должна была перейти в гуманистическую демократию, то наступает период, когда произойдет потрясение основ и гуманистической монархии и гуманистической демократии, когда внутри их раскроются начала, которые являются уже не гуманистическими началами, а какими-то скрытыми нечеловеческими началами, которые одинаково восстают и против гуманистических монархий и против гуманистических демократий. Судьба государств, не только судьба нашего русского государства в нашей революции, но и европейских государств, вступает в период глубокого кризиса. На Западе происходит кризис гуманистических демократий с их изолгавшимся парламентаризмом, с механикой количеств. Кризис этот начался уже давно, давно уже чувствовалась механичность этого строя жизни, внутренняя его порочность, внутренняя невозможность и дальше жить такими формальными гуманистическими началами. Очевидно должно явиться какое-то другое органическое начало, которое бы шло на смену. Не случайно начинают высказываться взгляды, возвращающие к средневековью, как, например, учение о корпоративном представительстве. Корпоративное представительство основано на той идее, что человеческое общество должно складываться не из атомов, а из органических корпораций, родственных цехам, которые должны иметь свое органическое представительство. Это есть как бы возвращение, на новых основаниях, к цеховому средневековому строю. Эта идея связана с кризисом парламентского государства, которое никого в сущности не удовлетворяет. Есть здоровое зерно и в идее корпоративного представительства. Все большие государства начали стремиться к мировой империалистической политике. В империализме происходит отрыв от гуманистических основ национального государства, империализм порождает волю к власти и к могуществу, в пределе — могуществу мировому. В нем есть зачаток и сверхчеловеческого начала. Это тоже сверхчеловеческое начало, какое есть в коллективизме.

Кризис гуманизма и конец гуманизма переживается также и в области жизни моральной. Несомненно, мы переживаем конец той гуманистической морали, которая считалась цветом моральной жизни всей новой истории, всего периода новой истории. Эта гуманистическая мораль

приходит к концу в целом ряде явлений конца XIX века и начала XX века. Окончательный конец ее обнаруживается и в мировой войне и в тех последствиях, которыми она сопровождалась, но эта гуманистическая мораль, со всеми иллюзиями ее, начала приходить к концу гораздо раньше. Так, прежде всего, гуманистической морали был нанесен самый страшный удар Ницше, который вскрыл ее противоречия. Все течение духовной культуры, которое было связано с Ницше в конце XIX и начале XX века, подвергло сомнению заповеди гуманизма. Оно перестает ставить человека, его человеческие интересы, его благо и нужду в центре внимания. Это же потрясение гуманистической морали происходит и по разным другим линиям. Несомненно, что, с одной стороны, революционные анархические течения, имевшие гуманистический исток, разрушают гуманистическую мораль. С другой стороны, религиозно-мистические течения, обнаружившиеся в конце XIX и начале XX века, также знаменуют потрясение основ гуманистической морали, — они ставят сверхчеловеческую цель для морали, начинают отрицать самодовлеющий характер человеческих начал. Кончается срединное гуманистическое царство, то царство гуманности, о котором говорил Гердер. Он учил, что гуманность есть высшая цель всемирной истории. Это гуманистическое царство возможно было лишь в некоей середине. Оно означало, что не было еще разделения до последних, самых глубоких пластов. Оно возможно в более поверхностных пластах культуры, когда последняя судьба культуры не ставится еще в человеческом сознании, когда весь склад культуры удерживает меру, не срывается на противоположные полюсы, не разлагается на противоположные начала. Это равновесие существует в гуманистический период истории. Оно делает возможным расцвет культуры. Когда ставится конечная проблема, последняя и предельная проблема, культура переходит за пределы человеческие, происходит срыв из чисто человеческого царства в полярно противоположные начала. Тогда срединное человеческое царство исчезает. Ницше потому и кончает гуманизм, что он ставит последнюю, предельную проблему. Потому и Маркс кончает гуманизм, что он ставит предельную проблему общественности. Потому и религия гуманистическая саморазлагается, что она ставит последние, окончательные задачи, которые не могут удержаться в срединном человеческом царстве.

Я уже говорил о высшей точке гуманистического царства, гуманистической культуры, не порвавшей еще с божественными началами, а гармонически сочетавшей божественное и человеческое, — о явлении Гете. Гуманизм Гете был внутренне-религиозно обоснован. Но Гете, при всей своей духовной просветленности, все же находился в срединном человеческом царстве. Великое искусство Гете и его великое познание природы не доходило до последних пределов. Ничего апокалиптического, обращенного к конечным судьбам человека и мира, не существовало в сознании Гете. Жизнь Гете была высшим расцветом человеческого творчества до наступления такого нового катастрофического мироощущения. Это было высшее проявление гуманистического творчества. После него гуманизм, который был в германской культуре конца XIX и начала XX века, после этого настоящего гуманизма, в высшем смысле этого слова, подлинно прекрасный гуманизм, связанный с ясным образом природы, делается все более и более невозможным. Начался роковой процесс внутренней порчи, раздвоения, нарастания катастрофы, вулканического извержения изнутри, и возврата к этому прекрасному гуманистическому царству уже нет. Невозможен возврат к гуманистической морали и искусству, к гуманистическому познанию. Произошла какая-то непоправимая катастрофа в судьбе человека, катастрофа надрыва его человеческого самочувствия, неизбежная катастрофа перехода его человеческого самоутверждения в человеческое самоотрицание, катастрофа ухода от природной жизни, отрывания и отчуждения от природной жизни. Этот процесс есть страшная революция, происходящая на протяжении целого столетия, заканчивающая новую историю и открывающая новую эру.

ИРИНА САБУРОВА

Китайцы о Китае

Лет десять тому назад, в начале шестидесятых годов, на английском языке вышли две чрезвычайно интересных книги о Китае, написанных китайцами: одна — «Пленник Мао» Бао Луо-вана (он же — Жан Паскалини, сын корсиканца и китайки), и другая «Та та, тан тан» Валентайна Чжоу, шанхайского журналиста, впоследствии сотрудника таких американских журналов, как «Нью-лидер», «Тайм» и др. Чжоу кончил шанхайский университет и воспитывался, по его словам, на обеих культурах — китайской и европейской.¹⁾ Бао Луо-ван родился в Китае, но был по отцу французским гражданином и только этому обстоятельству обязан, что, когда Франция возобновила дипломатические отношения с Китаем, он был освобожден из тюрьмы, где отбыл семь лет из приговоренных ему двенадцати, и, как Жан Паскалини, прибыл в Гонконг, потом во Францию, а затем в США, где будет читать в Харвардском университете с осени этого года лекции о китайском уголовном «правосудии». Он также сотрудничает в «Ньюсуик» и является экспертом по современной китайской терминологии.

Замечу мимоходом: между китайским и советским «правосудием» поразительное сходство! Сознание своей невинности ничего не дает. Бао Луо-ван пишет: если человек утверждает свою невинность, то он утверждает таким образом, что правительство лжет. Апелляция приговора означает, что виновный не раскаялся в своих преступлениях и не усвоил преподанного ему урока. Отсюда следует, что всякого рода апелляция — это как бы своего рода требование увеличить его наказание. Китайцы, однако, внесли некоторый нюанс в это толкование: целью наказания является не заставить вас изобрести и взять на себя несуществующие преступления, но признать, что та жизнь, которую вы вели до сих пор, подобна гнилому плоду и заслуживает наказания.

Но китайцы, как пишет Валентайн Чжоу, — странный народ. Со времени Марко Поло они были загадкой для всего мира, и не только потому, что их обычаи были такими чуждыми, но и потому, что все сведения о них были настолько противоречивыми: их вежливость — и жестокость, катастрофический голод — и изысканная кухня, мудрецы — и кули. Еще несколько десятков лет тому назад самым популярным представлением о китайцах было, что это народ, живущий, питаясь рисом и опиумом, в промежутках между войнами разгуливающий в шитых шелком одеждах и говорящий цитатами из Конфуция. Впоследствии картина переменялась, и Китай стал чудовищной массой человекообразных насекомых, добывающих нефть и сталь из воздуха, убивающих с пламенным рвением своих родителей, размножающихся до бесконечности. Вскоре они разрушат мир атомными бомбами.

Это — две вариации мифа о китайцах. Нельзя отрицать, однако, что прежнее пренебрежение Запада к Небесной империи исчезло и его заменило все растущее беспокойное сознание того, что происходящее за бамбуковым занавесом может стать решающим фактором в равновесии мировых держав.

«Восток и Запад, наконец, встретились, — пишет Чжоу. — Но эта встреча была столкновением, которым были ошеломлены обе стороны. Вводят ли китайцы других в заблуждение, или другие неправильно понимают китайцев — результат один и тот же. Ключом к китайской загадке служит китайский характер, на который действуют политические, экономические и социальные

силы, часто вводящие в заблуждение Запад с его рациональной логикой и научным анализом. Для того чтобы разгадать тайну, требуется элементарное знание наиболее выдающихся черт китайского характера — не как национальности или расы, а как культуры».²⁾

Книга «Та та, тан тан» написана всего десяток лет тому назад, т. е. после «Ста цветов» и «культурной революции» в Китае, вызвавшей возмущение всего мира приблизительно в той же степени, как и чистки Сталина (когда на них нельзя уже было больше закрывать глаза). Это следует помнить при чтении, чтобы не задавать вопроса: «Но, позвольте, если они такие, то как же они допускают и делают то, что они делают?». Стоит подставить, для примера, под словом «китайский народ» — «русский», и станет понятно, что автор говорит не об эксцессах режима, требующихся по его самой сути — коммунизм слегка видоизменяется в разных странах, но сущность его остается всегда той же самой — а о подлинном национальном характере, сложившемся исторически и этнографически; тот же параллельный пример Советского Союза показал, что несмотря на все усилия коммунистов, несмотря на миллионы, быть может, искалеченных и свихнувшихся нравственно и психически людей, «создание нового человека» все-таки, слава Богу, оказалось не под силу и советскому коммунизму. Можно надеяться поэтому, что и в Китае произойдет то же самое и молодежи, науськанной на «культурную революцию», придется дорого и справедливо расплачиваться за нее перед своими если не сыновьями, то внуками.

Китайцы — пишет Чжоу — самая древняя раса на земле с самой долгой из существующих до сих пор древних цивилизаций. Это обуславливает у них не только странные манеры, но и подход к жизни, который противоречит этическим понятиям Запада. Характерные особенности китайской территории сделали страну земледельческой. Конфуцианство дало ей семейный строй и две тысячи лет правления избранных ученых. Таоизм, зародившийся в философии Лао Цзы, привил китайцам понятие о потустороннем мире, научил их гармонии в стране с суровой природой. Несколько тысяч лет аграрной цивилизации, культивировавшейся древними мудрецами, прикрепили народ к земле, затруднили индустриализацию и создали громадное население культурных, но неграмотных людей, наряду с небольшой элитой гуманистических художников-ученых. Ни один крестьянин не наступит ногой на исписанный клочок бумаги, из уважения к ученому. Ни один учений не оставит зернышка риса в своей миске, из уважения к крестьянину. Как тот, так и другой старались породить многих сыновей, из уважения к своим предкам. Китай — это страна, где земледелие, ломающее спины, — непрерывная необходимость и где самую чистую радость составляет прихлебывание чая и созерцание природы; где миролюбивый народ время от времени поднимает дикий мятеж и где невыразимая вульгарность смешана с невообразимой изысканностью: китайцы — парадоксальный народ в парадоксальной стране.

В каждом китайце есть что-то от Конфуция и от таоизма. Конфуцианец — это ярый моралист, который хочет, чтобы политики были нравственными людьми, сыновья почитали родителей, а вдовы оставались целомудренными. Таоист — это бродяга, который, подсмеиваясь над человеческим безумием, удаляется в камышевый шалаш или на берег туманного озера и сливается с окружающим. Китаец — сознательный конфуцианец и подсознательный таоист. Когда он пользуется удачей и успехом, он

¹⁾ Valentine Chu, Ta ta, tan tan (Figt bigt, talk talk), New York 1963, 320 p.; Pao Luo-van, The Prisoner of Mao, New York 1970.

²⁾ Valentine Chu, Ta ta, tan tan, стр. 5.

конфуцианец; когда наталкивается на затруднения, становится таоистом; на людях он конфуцианец, наедине с собой — таоист. Конфуцианство без таоизма сделало бы его закостенелым. В течение двух с половиной тысяч лет, когда Китай наслаждался мирной жизнью и расцветом, в нем усиливалось конфуцианство, а каждый раз, когда возникали затруднения, таоизм брал верх.

Идеал китайской жизни выражен в традиционной концепции полного удовлетворения: «Ю ши ву чен» (никакого соревнования с миром). Это чисто таоистский взгляд, означающий, что человек становится равнодушным к таким стимулам, как богатство, слава и власть. Пацифизм для него естественное явление, которое лучше всего выражается изречением: «Хорошее железо не становится гвоздем, хороший человек не становится солдатом» и «Высший человек пользуется своим языком; низший пользуется своими кулаками». Драки в Китае так же редки, как часты словесные стычки. Но типичная китайская перебранка на улице совершенно другого рода, чем на Западе. Участники обычно страшно шумят и возбуждаются, но очень редко переходят от слов к делу. Даже в китайском преступном мире излюбленной формой войны между китайскими бандами служит «чай с разговором». За чашкой чая соперники обычно улаживают свои разногласия, обсудив их между собой, или прибегнув к арбитражу своих шефов. Когда все улажено, дело заканчивается обычно празднеством, на котором победители и побежденные чокаются и извиняются друг перед другом. Таким образом ведется «война» и никто «не теряет лица».

Общепринято мнение, что воинственный человек редко самый сильный, и действительно сильный человек не нуждается в воинственности. Поговорка гласит: «Среди сильных всегда найдется сильнейший». Кодекс поведения для сильных людей в Китае: «Сперва вежливость; враждебность потом». Подобное отношение служит главным фактором отсутствия в Китае преступности среди молодежи, а также — снова парадокс — периодического возникновения насилия в китайской истории. Так как кроткие люди сторонятся физического насилия, то агрессивные элементы берут в стране верх, пока, в конце концов, кроткие не подымут всеобщего мятежа.

В личных отношениях или на войне китайцы всегда тщательно избегают прижать противника к стенке, потому что «попавший в ловушку зверь будет бороться». Они стараются вместо этого закрыть все выходы, кроме одного — того, который им желателен.

Самая выдающаяся черта китайского характера, вытекающая из таоизма — это эластичность. На протяжении всей истории гибкость неотделима от возможности выжить и жить. Единственным путем для этого и для того, чтобы при случае восторжествовать над превосходящим противником, — это мягкость, проникающая во все, пронизывающая все мягкость. (Может быть, в ней и корень китайской вежливости, вошедшей в поговорку?). Эластично поддаваясь грубой силе, человек отражает удар, скрывает свою действительную силу и сохраняет возможность ответного отражения. Государство Ю в пятом веке было побеждено государством Ву. Победенный император Ю вынес невыразимые унижения от победителя, но не потерял из виду возможности реванша. Он спал на соломе и лизал ежедневно желчь, чтобы напоминать себе о горечи своего положения. Он поступал так в течение двадцати лет, медленно перестраивая свое государство, пока однажды не восстал и не победил. С тех пор «Ву синь, чан тан» (спать на соломе, вкушать желчь) стало мотто каждого китайца. Китайцы мыслят категориями поколений: «Торопиться — значит не достигнуть цели». Препятствия редко обескураживают их, поскольку считается, что они только укрепляют характер: «Подлинное золото не боится огня».

Подобные мудрость и философия иногда граничат с трусостью и эгоизмом. Один из самых популярных девизов самосохранения гласит: «Каждый метет снег перед своей дверью; никогда не заботься о льде на чужой крыше». То, что происходит в другой семье или

клане — очень далекий мир. Дух общественности и гражданская гордость чужды китайцам.

Изречение «Умный человек сам принимает свои решения, глупец следует общественному мнению» опровергает триумф, теперь начинающий выходить из моды и на Западе. В этом изречении — склонность китайцев к индивидуализму и отвращение к толпе. Может быть, это не выглядит так, но под внешней оболочкой перемонного конформизма китаец скрывает очень свободолюбивый нрав. Китайцы безнадежно недисциплинированы и разьединены. Они называют сами себя «миской сыпучего песка». Они любят свободу, но их концепция ее это не политическая свобода голосования или предписывания правительству, что тому делать, а личная свобода человека, которого правительство оставляет в покое. В Китае даже плохое правление может длиться долго, если оно не вмешивается в дела народа.

Индивидуализм и исповедание чистейшей формы свободы делают китайцев чрезвычайно терпимыми. В Китае люди противоположных религий, политических и нравственных взглядов часто объединяются на деловой почве, в дружбе или в браке, не замечая вовсе этих различий. Человек может неодобрительно относиться к азартной игре своего друга или его любовным похождениям, но он не будет метать против него грома и молний или создавать общество для обращения нечестивых. Он успокаивает себя мыслью, что могут быть разные обстоятельства, или что тот получит в свое время по заслугам. Во всяком случае, все — люди и должны отвечать перед своей совестью. Еще более фундаментальным, чем конфуцианский кодекс поведения, является конфуцианский гуманизм: каждый человек руководится «тихим голосом изнутри» — своей совестью. Нет худшего обвинения для человека, чем сказать, что у него, даже если это бандит, нет совести.

Другой китайской чертой служит умеренность. Китайца учат думать о неудачах в счастливые времена и думать об успехе при неудачах. Любовь к анализу делает его сдержанным и ненавязчивым. По сравнению с западными людьми китайцы обращены внутрь себя, хвастунов среди них мало, может быть потому, что китайский язык необычайно скуп — при парадоксальном, опять-таки, множестве — сотни тысяч — корней слов! Но «слова — это семена, из которых слушатель сам может вырастить цветок». Сдержанностью пользуются не только для того, чтобы скрыть посредственность, но и чтобы замаскировать мудрость.

Классическое изречение «Знать, что это, но не почему это» свидетельствует о большей склонности, к интуиции, чем к логике. Китаец отшатывается от всякой попытки разграфить мир и разместить его по клеточкам. Он не склонен анализировать бесформенность и классифицировать невидимое, предпочитая достичь разрешения больше путем проникновения, чем выводов. Среди китайцев больше философов, художников и писателей, чем механиков, статистиков и юристов.

Тысячелетний опыт и заблуждения научили китайцев, что в человеческих отношениях кратчайшее расстояние между двумя точками редко составляет прямая линия. Скорее это — линия наименьшего сопротивления. Если цель китайцев — север, то они пойдут в любом направлении, кроме севера. Излюбленный способ движения вперед для китайцев — стратегическое отступление: они мастера отступления в делах, дружбе, ухаживании и войне. Они могут выдвинуть очевидное, до чего им нет никакого дела, переплетенное со смыслом того, что они действительно хотят сказать. Делают это они из вежливости, из желания обеспечить себе отступление, хотя бы вскользь, из-за склонности к «двойному слуху». Другие народы пользуются словами, чтобы выразить свои мысли. Китайцы зачастую только маскируют словами свои мысли. Они предпочитают указать на значение обиняком, окольными путями, скрытым намеком. Как в языке, так и в живописи, поэзии, в походке оперного актера, в пейзаже дворцовых садов — везде играет роль пространство, значимость молчания, динамическая пауза.

В Китае было сделано много научных открытий и изобретений. Компас был изобретен за 2 700 лет до Рождества Христова — со стрелкой, показывающей на юг. К концу первого столетия китайцы изобрели бумагу, появившуюся в Европе только через добрую тысячу лет. За 700 лет до Гутенберга они печатали уже книги. В начале пятнадцатого столетия, когда у европейцев была в употреблении только грубая глиняная посуда, в Китае был уже почти прозрачный фарфор династии Мин. За 600 лет до Запада в Китае был изобретен маятник, благодаря чему стала возможной конструкция механических часов. В тринадцатом столетии китайцы защищали Кайфын посредством ракет. Они буравили артезианские колодцы и пользовались углем, природным газом и минералами для лекарства задолго до европейцев.

Большие успехи были достигнуты и в астрономии. Карта звездного неба была составлена 4 900 лет тому назад, и 4 600 лет тому назад была построена обсерватория, на которой ученые вычислили координаты Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна в 2 446 году до Р. Х. В «Книге истории» говорится, что китайские астрономы были наказаны за то, что не предсказали затмения солнца в 2 200 г. Около 1100 до Р.Х. с поразительной точностью было вычислено наклонение эклиптики. Планетарные циклы Лю Хина были открыты задолго до Птолемеевой системы, и звездный каталог Ши Чена появился за двести лет до каталога греческого астронома Гиппарха. Наблюдения китайцев над Млечным Путем известны всем. Они проследили комету Галлея до 240 года до Р.Х.

Самое гигантское сооружение человеческих рук на нашей планете — это Великая китайская стена, которая видна даже, если смотреть на Землю с Луны невооруженным глазом. Эта стена — каменный дракон — тянется через пустыни и горы тысячметровой высоты от Желтого моря до края Тибета. Она вышиной в 20—30 футов, и наверху достаточно широка для того, чтобы по ней могли проехать рядом шестеро всадников. На ней 20 тысяч защитных башен и десять тысяч сигнальных вышек, подававших дымовые сигналы — самый скорый способ сообщения до того, как изобрели телеграф.

С первого столетия до Рождества Христова в течение свыше полутора тысячи лет китайцы были передовым народом в математике, астрономии, медицине, земледелии и строительстве. Во время пятнадцатого и шестнадцатого столетия после Р.Х. европейцы стали соревноваться с ними, превзошли их в семнадцатом и оставили далеко позади себя к началу технической революции. Научные открытия древнего и средневекового Китая были достигнуты главным образом благодаря личным талантам и эмпирическому опыту, а не систематизированным дисциплинам, развившимся благодаря логической дедукции и абстрактному рассуждению. Китайская интеллигенция может приобщиться к современной науке только в том случае, если она овладеет западной методологией и отрешится от свойственного китайцам духа «мамафуфу» — выражения, лучше всего переводимого французским «ком си, ком са».

Но китайцы упорны, прилежны, бережливы, держатся вдалеке от чужих и сердечно относятся к друзьям, хотя редко выражают свои чувства, отчего кажутся иностранцам загадочными и даже тупыми. Под их обманчиво апатичным видом кроется уязвимое сердце. Они больше уважают неписанные законы, чем юридические — поэтому у них множество мелких нарушений законов, но мало серьезных преступлений. И, конечно, они бесконечно терпеливы, вежливы, умеют ограничивать себя, иногда немного хитры, но большей частью не агрессивны. Развитой китаец подобен старому вину — в нем мягкая сила. Китайцы подвержены настроениям, меняющимся от вида цветущих слив, падающих листьев, капель дождя. В классической китайской поэзии прекраснейшие любовные стихи, которые чувствительны, но не чувственны, полны страсти, но не страстны.

Разумеется, все эти черты еще не исчерпывают китайского характера; некоторые из них постепенно исчезают, но в общем они определяют быт и характер народа.

**

Территория Китая, равняющаяся 17 Франциям, или немногим большая, чем Соединенные Штаты, далеко не идеальна для земледелия. В Китае больше гор, чем в США, СССР или Индии. Около 70 процентов страны лежит на высоте 3 000 футов и только 15 процентов ниже 1 600 футов. Климат резко меняется: от субтропического лета до сибирской зимы. Пахотная земля на китайском материке составляет 264 миллиона акров, то есть только одну десятую всей территории. Из них 30 процентов плодородной, 40% — средней, а остальное — плохой земли. Четыре пятых населения страны должны трудиться на одной десятой площади страны для того, чтобы обеспечить существование всего населения. Для сравнения: в Советском Союзе половина населения работает на одной пятой всей площади, обеспечивая низкий жизненный уровень, в США — одна восьмая населения на одной пятой площади.

Китайские крестьяне всегда зависели от милости размывающихся гор и капризных рек. С Р. Х. в китайской истории отмечены 1 397 серьезных засух; река Юай с дренажной областью, равняющейся шести Голландиям, но не имеющая своего устья (!), наводняла долину в течение двух с лишним тысяч лет 979 раз. Могучая река Янцзы, третья по длине в мире, в долине которой живет половина населения Китая, разливалась 242 раза в течение 265 лет. С мифических времен китайцы пытались обуздать Желтую реку, известную под прозвищем «Китайской скорби». Эта река, длиной в 2 900 миль, бассейн которой равняется Италии, Швейцарии и Норвегии вместе взятым, размывала в течение трех тысяч лет полторы тысячи раз долину и девять раз резко меняла свое русло, переносило свое устье резкими зигзагами на расстояния в 500 миль. Если прибавить пылевые бури бесплодного северо-запада и тайфуны вдоль побережья, саранчу и редкие, но очень сильные землетрясения, то понятно, что судьба китайских крестьян неотделима от стихийных бедствий.

После многих столетий земледельческой обработки громадным населением, в Китае осталось очень мало природной растительности. Леса составляют только одну десятую общей площади и в процентном отношении стоят на 80-м месте в мире. Поэтому водоносность почвы чрезвычайно низка и служит одной из главных причин наводнений. Вторая причина — прорывы плотин. Желтая река, самая илистая в мире, наносит на свою дельту столько ила, что им можно было бы ежедневно заполнять все здание Эмпайр Билдинг полтора раза. На сотни миль она течет между плотин по руслу, которое расположено выше, чем окружающая местность, и оседание ила на дно непрерывно повышает ее уровень. Одна трещина в плотине — и вся река может затопить долину. Такие наводнения держатся иногда по целому году.

Многие другие реки в Северном Китае также текут по руслу над долиной между ограждающих плотин, но засухи происходят чаще, чем наводнения, более губительны, охватывают большие площади и длятся дольше. За последние десятилетия псевдонаучные коммунистические методы возделывания и орошения земли только усилили, а иногда и просто вызывали новые стихийные бедствия.

В Китае год без стихийных бедствий — это Год Благодарения. Недостаток пахотной земли при переизбытке населения — не единственная проблема. Но и это не обескуражило трудолюбивых крестьян, которые не смогли обуздать природы, но сумели приспособиться к ней. В течение столетий каждый квадратный фут земли возделывался с заботой и любовью. Еще более замечательным является та изобретательность, благодаря которой все, что давала земля, использовалось до конца.

Основным продуктом Китая служит зерно: рис на юге, пшеница на севере и различные крупы, как просо и као-

ля (сорго), и сладкий картофель в более бедных областях. Рисовая и пшеничная шелуха идет на корм и удобрение. Солома — важное топливо в деревне; кроме того, она идет на крыши и на укрепление глиняных стен домов. Зола идет на удобрение, порошок для чистки, подстилку скоту и птице. Из стеблей делаются веники. Шаосин, желтое китайское вино, делается из риса. Прозрачный ликер каолян дистиллируется из зерна.

Китайской «коровой» служат бобы сои. По питательности молоко из этих бобов соперничает с коровьим. Сами бобы дают пищу беднякам и приготавливаются на сотню ладов. Из тех же бобов делается для гурманов соус сои. Лучшие сорта требуется приготавливать и выдерживать в течение шести-семи лет, и способ приготовления по сложности не уступает французским винам. Бобовое масло — широко распространенное масло для приготовления пищи, мыла и красок. Оно служит также осветительным маслом в лампах с травяным фитилем в деревнях, где электричества нет, а керосин дорог. Шелуха бобов — хороший корм скоту и идет также на удобрение.

Больше всего в Китае едят свиное мясо. Сало идет на приготовление пищи. Свиная кожа берется не только на кожаные изделия, но и приготавливается хитроумными способами в ряде вкусных блюд. Щетина идет на экспорт. Из свиных костей делают щетки для зубов, булавки для волос и художественная резьба.

Бамбук — это китайская сталь. Из него делается остов деревенских хижин, леса для строительства зданий и обычные заборы. Из него же делаются коромысла для кули и щесты для сампанов и лодок. Расщепленный бамбук идет на плетение корзин, чехлонов, навесов, циновок для спанья и ширм. Из бамбука делаются эластичные пружины и палочки для кисточек для письма, мебель, лампы, вазы для цветов, чашки, чайная посуда, палочки для еды, удочки, зонтики, веера, рамы для картин, игра «майонг», трубки для курения и музыкальные инструменты. Молодые побеги бамбука — большой деликатес.

Наряду с рисом, пшеницей, каоляном, соей и бамбуком стоит хлопок. Для китайских крестьян хлопок не только заменяет шерсть и нейлон, но идет и на топливо зимой. Хлопковое семя служит кормом скоту и удобрением. Выжимаемое из него масло идет в пищу. Стебли хлопка перерабатываются на бумагу и служат также топливом.

Большинство китайских лекарств состоит из трав. Их перечень бесконечен, но приведенные примеры уже достаточно показывают, насколько китайское земледелие тесно связано с жизнью народа. Скромность этих изделий равняется той хитроумной изобретательности, с которой использован материал. Недаром говорится, что китайцы — единственный народ, который развил передовую цивилизацию исключительно на вегетативной, растительной основе.

Сегодня, как и раньше, сельское хозяйство составляет основу китайской экономики. Почти половину сырья и почти все капиталовложения для индустриализации дает земледелие. Величайшей экономической задачей для нескольких будущих поколений станет индустриализация без голода. Этот единственный вопрос, больше, чем все другие, обусловит провал или успех любого политического строя в Китае.

Одно из популярных измышлений о Китае утверждает, что китайские крестьяне страдали от помещиков в такой же степени, как крестьяне в средневековой Европе или в крепостной России. Но уже за много столетий до прихода коммунистов в Китае не были известны две главных отличительных черты феодализма — ограничение свободной продажи земли и прикрепление к земле для работы. Заявление Мао Цзэ-дуна, что половина возделываемой земли в Китае принадлежала не жившим на ней помещикам, не подтверждается ничем. В то же время, исследования независимых китайских ученых говорят, что свыше 70 процентов возделываемой земли в Китае до прихода коммунистов принадлежало самим крестьянам. Свыше половины китайских крестьян были владельцами земли, на которой они работали. Еще 30% имели и

собственную землю, и дополнительно арендованную ими. Кроме того, одна треть хозяйств была меньше 1,6 акра и только 8 процентов больше, чем 8,4 акра. Эти размеры хозяйств свидетельствуют о том факте, что в Китае большее число людей владело меньшим количеством земли, чем в дореволюционной России или в теперешних Соединенных Штатах. Среднее китайское хозяйство считалось только 3,5 акров — одна шестидесятая средней американской фермы в 215 акров. При наследовании даже эти мелкие хозяйства разбивались на крошечные участки в пол-акра, разбросанные на склонах холмов посреди деревень. Сун Ят-сен, «отец китайской республики», был прав, когда сказал, что болезнью Китая является не неравномерное распределение земли, а общая нищета. В том же, что она происходит от переизбытка населения, не может быть сомнений.

**

Для большинства людей Китая — большая страна где-то на краю света. Она населена быстро размножающимся и медлительным народом, обычаи которого экзотичны, а образ мыслей загадочен. Для самих китайцев — Китай это культурное целое, образ жизни, проникающий через все временные границы расселения нации. Эта психологическая установка предвдляет основу как национального смирения, так и периодических мятежей и самообновляющейся динамики, которая дает возможность китайцам преодолеть непроницаемые барьеры истории и иногда превратить страну в хаос.

Китайцы интенсивно сознают, что они являются древнейшей из всех живущих культур — культурой, которая процветала в полном блеске в течение пяти тысяч лет полной изоляции от всех остальных главных цивилизаций. Они называют свою страну «Чун Хуа» (Центральный Блеск) или Центральная Нация — остров элитности, окруженный океаном варварства. Это преувеличенная гордость, но не без оснований. Марко Поло восхищался не зря. Китайцы были творцами многих главных достижений человечества уже много сотен лет тому назад. Они изобрели компас, ракету, порох, книгопечатание бумагу, фарфор и шелк; вырыли руками самый длинный искусственный канал в мире — Великий канал протяженностью в 1782 км и построили гигантскую Великую китайскую стену (4—5 тыс. км).

Китайцы знакомы с разными формами правления. В 221 году до Р.Х. в Китае было первое в мире полицейское государство, с рабским трудом, сожжением книг и контролем над мыслями. В восьмом веке после Р.Х. в нем было первое в мире социалистическое правительство с контролем цен, уравнением земледелия и правительственными монополиями. На протяжении двух тысяч лет в Китае было единственное в мире правительство, которое устраивало национальные соревнования для выбора своих высших чиновников из ученых, судя по их моральным взглядам, литературным и художественным способностям.

Китай был склонен к экспансии. Во время династии Чжан (206 до 221 после Р.Х.) он аннексировал части Аннама и Кореи, победил гордых гуннов, распространил свое военное и политическое влияние на запад до Персидского залива и однажды одержал победу над римским легионом. Его престиж был настолько велик, что до сегодняшнего дня китайцы все еще называют себя «сыновьями Чжан». В дальнейшем границы китайской империи были расширены на суше при династии Тан (618—907 после Р.Х.) и на море при династии Мин (1368—1644), когда было предпринято семь экспедиций в южные моря, Индийский океан и восточное побережье Африки, взята богатая добыча и дань с мореходных стран Азии.

Но гораздо большие и имеющие более продолжительные действия достижения достигнуты в не утилитарном секторе китайской цивилизации. Китайский фарфор, изделия из яшмы и вышивки ценятся знатоками всего мира. Китайская кухня считается гурманами непревзойденной. Китайская живопись и каллиграфия — это наглядная

поэзия. Китайская литература, фактически неперево-димая на другие языки, возможно наиболее эзотерическая среди всех классических литератур.

Китайцы благоговеют перед ученостью — включая и неграмотных. Ни один народ в истории человечества не проявлял большего уважения к ученым, уважения, гра-ничащего с идолопоклонством. В течение тысячелетий ни один китаец не выбрасывал клочка бумаги с написанными на ней словами и не употреблял ее для обертки. Высшим титулом в Китае считался «чжан лин» — звание, дававшееся высшему ученому в стране после император-ских экзаменов, в которых мог принять участие каждый и из которых выходил нередко победителем бедняк, авто-дидакт. Уже во время династии Чжоу (1112—256 до Р.Х.) в Китае был национальный университет в столице и мно-жество школ в деревнях. Ко времени рождения Христа число студентов китайского университета составляло 30 000 человек.

Что касается человеческих отношений, то китайцы установили социальный строй, удержавшийся в течение тысячелетий, и семейный строй, характерный для всей общественной жизни. За 500 лет до Р.Х. и за сто лет до рождения Сократа Конфуций преподавал императорам и крестьянам свое учение гуманизма. В то время соперни-чавшие между собой правители прибегали к советам мыс-лителей, руководствуясь ими в своей политике и пове-дении. Это стимулировало и помогло создать Сто Школ китайской мысли, охватывавших фактически все виды мировоззрений, доступных человеку. Наиболее выдающи-мися среди мудрецов были Конфуций и Менцзы, учившие благоволению, терпимости и гармонии как основам чело-веческих отношений; софист Моцзы, учивший пацифизму и универсальной любви; таоисты Лаоцзы и Чуангтзе, утверждавшие натурализм и индивидуализм; и законник Хань Фэй, проповедывавший тоталитаризм.

Золотой век Китая был в течение трехсот лет динас-тии Тан (618—907 после Р.Х.), когда Китай был вели-чайшей страной мира по территории, населению, правле-нию и интеллектуальной и эстетической культуре. В те-чение этого периода правительство было просвещенным и либеральным, чиновники нравственными людьми, а на-род зажиточным и счастливым. Китай посещался чуже-земцами, приобщавшимися к его культуре. Многие из них принимались правительством на службу. Другие учились в университете, в котором насчитывалось 8 000 чужезем-ных студентов. Китайцы пользовались иностранными товарами и перенимали иностранные идеи и обычаи. В до-бавление к буддизму, уже ранее утвердившемуся в стра-не, свобода религии позволила проникнуть в Китай несто-рианству, учению Зороастра, манихейству и мусульман-ству. Народ, включая крестьян, вел привольный и утон-ченный образ жизни, наслаждаясь свободой мысли и ве-роисповедания и всевозможными развлечениями — ло-дочными состязаниями, праздником фонарей, пикниками, шахматами, цветами, чаепитием. Литература, поэзия, дра-ма, музыка, пение, скульптура и живопись достигли свое-го зенита.

Но долгая история Китая не отличалась непрерывным миром и культурной жизнью. В ней было много периодов политической коррупции, гражданской смуты и чужезем-ных вторжений. Однако расовая и культурная природа китайца такова, что за каждым подобным периодом сле-довало духовное возрождение. Благодаря смешанным бракам с вторгающимися варварами китайцы оставались молодыми в этническом отношении, а в культурном от-ношении вбирали в себя все более мелкие цивилизации, с которыми им приходилось сталкиваться. Циклы упад-ка, вторжения, ассимиляции и омоложения чередовались в непрерывном ритме.

При династии Цин (Маньчжоу) (1644—1911) Китай до-стиг в течение семнадцатого и восемнадцатого столетия другой вершины. Но с начала девятнадцатого века нача-лось разложение. Население быстро возросло, создавая серьезные экономические проблемы. Императорские эква-

мены переродились в простое бормотание классических клише и сочинения сухих стилизованных эссе. Прави-тельство стало изнеженным и реакционным и преследо-вало ученых, выражавших свое несогласие. Повсюду ца-рила коррупция. Безработица, бандитизм, пиратство и крестьянские восстания возрастали с каждым днем. Ки-тай снова достиг нижней точки своей кривой. Наступил очередной периодический упадок. И тут случилось нечто, потрясшее Китай до основания.

Этим событием было стремительное столкновение Вос-тока с Западом. Травматическая встреча вызвала цепную реакцию, отзвуки которой сотрясали Китай в течение це-лого века и ощущаются теперь и всем остальным миром. В течение девятнадцатого века между Китаем и Западом быстро возрос контакт. Китай был слабым и дряхлым, но Запад стал мужественным и агрессивным. Европей-ские державы, в поисках новых колоний и новых рынков заметили Великого Больного в восточной Азии. Неумелое правительство Маньчжоу, все еще придерживаясь tradi-ционного китайского презрения к варварам, но совершен-но не обращая внимания на мощь современной техники, неоднократно отказывалось от западных дипломатов и их предложений торговли. Этот изоляционизм был отчасти реакцией на английскую политику завоза опиума в Ки-тай. Нелегальная торговля была настолько выгодной, что к 1838 году в Китай ввозилось контрабандой ежегодно шесть миллионов фунтов опиума! После многократных бесполезных протестов император послал в Кантон свое-го комиссара, и тот захватил у английских купцов боль-шое количество опиума и публично сжег его. Результатом была Опиумная война 1840—42 гг. Китай потерпел по-ражение и был вынужден уступить Англии Гонконг, открыть для иностранной торговли пять портов, легали-зировать торговлю опиумом и предоставить англичанам торговые привилегии, которые вскоре были распростра-нены и на другие страны, включая Соединенные Штаты.

Опиумная война открыла шлюзы для иностранной агрессии. Европейские державы, к которым присоедини-лась и возросшая Япония, неоднократно посылали в Ки-тай военные корабли, войска, дипломатов и купцов, тре-буя себе территорию или просто захватывая ее, а также и особые привилегии. Россия захватила громадные об-ласти Маньчжурии, Монголии и Сибиряна. Великобритания получила Гонконг, Коулун, Бирму, Сикким, многие области Тибета и югозападного Китая. Франция захва-тила весь Индокитай, Япония аннексировала Корею, Тай-вань (Формозу), острова Рюкю и Пескадорские острова. В промежутке между Опиумной войной и концом девят-надцатого столетия Китай потерял 3 670 000 квадратных миль своей территории — площадь, равняющаяся трем Индиям или почти всей Европе.

Сверх всего этого европейские державы захватили се-бе в главных портах лучшие зоны как концессии, где они устроили собственные управления, держали войска и по-лицию и пользовались экстерриториальностью. За этим последовал контроль над китайскими морскими тамо-жнями и почтой. Европейские военные корабли патрули-ровали вдоль китайского побережья и проникали в мате-риковые воды. Европейские товары, ввозимые по пони-женной пошлине, наводнили Китай и расшатали его эко-номику. Китайские укрепления были стерты с лица зем-ли. История гласит, что в шанхайском парке висел пла-кат: «Китайцам и собакам вход запрещен». И везде был опиум, опиум, опиум. К началу двадцатого века европей-ские державы были готовы разделить развалившуюся империю. Китай был спасен только благодаря американ-ской политике «открытых дверей» и борьбе великих дер-жав между собой.

Никогда еще в истории великий и фактически не за-висимый ни от кого народ не терял настолько своей су-веренности и не подвергался таким унижениям. Для ки-тайцев, с их этнической гордостью и культурой это пере-живание было невыносимо постыдным. Небесная Импе-рия была для них центром вселенной. А теперь пришли эти «рыжие черти» из-за океана с их похабными манера-

ми и быстрыми пушечными кораблями и на каждом шагу превосходили их в грубой силе. К несчастью, встреча Китая с Западом оказалась на этот раз совершенно иной, чем она была раньше. В прежние времена западные гости были в большинстве случаев учеными людьми, как Марко Поло, или миссионерами, как Маттео Риччи. Они имели дело с элегантными учеными и просвещенными мандаринами блестящей цивилизации. Но во время девятнадцатого столетия большинство западных посетителей были неотесанными бурбонами или торговцами опиумом, искавшими только быстрой наживы. Они соответственно имели дело с некомпетентными бюрократами, невежественными слугами и беспринципными контрабандистами — подонками упадочнического общества. Кроме того, теперешние западные посетители имели обыкновение приравнивать индустриализацию к культуре и скромность к трусости, и их презрение к китайцам не имело границ. Это шокировало китайцев настолько, что мандарины, ученые и крестьяне возмутились как один человек.

К концу девятнадцатого столетия некоторые мандарины пытались модернизировать страну, строя фабрики, железные дороги и посылая чиновников и студентов учиться у Запада. Ученые, при поддержке императора Куань-сю, старались применить технику к национальной культуре путем разумной модернизации народного образования, правления, коммерции, путей сообщения. Но это реформистское движение оборвалось из-за дворцового переворота, устроенного реакционерами и евнухами, подстрекаемыми вдовствующей императрицей, которая заточила императора, захватила трон и истратила средства, предназначенные для современного флота, на восстановление Летнего дворца, сожженного незадолго до того английскими и французскими войсками. Народное недовольство вылилось вскоре в Боксерском восстании в 1900 году, направленном против иностранцев. Этот организованный бунт, поощряемый тайными обществами с благословения вдовствующей императрицы, имел своей целью изгнание всех иностранцев из Китая; посольский квартал в Пекине очутился на осадном положении. Но мятежники, вооруженные волшебными талисманами и устаревшим оружием, были разгромлены союзным корпусом британских, американских, германских, французских, русских, японских, итальянских и австрийских войск; следствием бунта был самый унижительный из всех «неравных» договоров.

К этому времени многие китайцы поняли, что единственным спасением было уничтожение коррупционной, некомпетентной династии Маньчжоу (Цин). Уже в 1894 году группа молодых китайцев за границей основала в Гонконге революционное Общество омоложения Китая (которое стало впоследствии Гоминьданом). Вождем его был молодой доктор Сун Ят-сен, ставший известным, как «Отец китайской революции». После нескольких безуспешных попыток молодые радикалы свергли в конце концов династию Цин во время восстания 10 октября 1911 года.

Несмотря на первый успех, республика оказалась неудачной. Попытки неопытных идеалистов-революционеров установить парламентскую демократию проваливались реакционерами, реставраторами и полководцами. Эти раздоры привлекали внимание Японии, ставшей в последующие десятилетия главным агрессором. Японское влияние распространилось на Китай после ее победы в русско-японской войне 1904—05 года, происшедшей на китайской территории. 9 мая 1905 года — день, отмечавшийся впоследствии китайцами, как День национального стыда с флагами на полумачте, Япония вынудила Китай принять ультиматум, известный под названием Двадцати Одного Требования. Во время первой мировой войны Япония отобрала Пиньдао от немцев, захвативших его ранее, и распространила свой контроль на остальную часть провинции Шаньдун. Хотя Китай вступил позднее в войну на стороне союзников, в Версале полностью игнорировали его надежды на возвращение Шаньдуна.

Версальский договор вызвал небывалый взрыв чувств среди просыпающейся китайской интеллигенции. 4 мая 1919 года взволнованные профессора и студенты Пекинского университета устроили демонстрацию, требуя, чтобы слабосильное правительство наказало «изменников», ответственных за Версаль и катастрофу Двадцати Одного Требования. Эта демонстрация сразу перекинулась на многие города, и к ней присоединились не только интеллигенты, но и ремесленники, купцы и рабочие. Четвертое мая отметило вторую веку — перемену в интеллектуальном сознании. Источенные бесперывными чужеземными агрессиями и вдохновленные либерализмом Запада, многие образованные китайцы стали думать, что главным виновником китайских бед, может быть, являются не империалисты, а их собственные устаревшие взгляды и оценки. Им было достаточно национального унижения, самодовольных классических ученых, церемониальных ритуалов, феодальных семей, покорных сыновей и целомудренных вдов, достаточно Конфуция.

Движение Четвертого мая отметило резкую переоценку китайских философий и традиций и поиски новых путей и ценностей. Среди руководителей этого движения было много китайских интеллигентов, воспитывавшихся в Англии, Японии, Франции и Соединенных Штатах. Они жаждали западных демократических идей и научной методологии и находились под большим влиянием европейского гуманизма, натурализма, романтизма и реализма, марксизма и философских трудов Джона Дьюи и Бертрана Рассела, посетившего в то время Китай. Либералы придерживались главным образом идей возрождения, а радикалы больше интересовались политикой; они либо присоединялись к Гоминьдану, либо к коммунистической партии, основатель которой, Чен Ду-хсю, был выдающимся руководителем движения Четвертого мая и нападал на учение Конфуция.

Организованная коммунистическая партия провела несколько лет в медовом месяце с Гоминьданом, пока не наступил раскол во время Северной экспедиции Гоминьдана, возглавляемой Чан Кай-ши, который изгнал полководцев и впервые объединил современный Китай. Несмотря, однако, на этот раскол и неупешные мятежи отдельных генералов, национальное правительство дало Китаю относительный мир и благоденствие. Этот прогресс так встревожил японских милитаристов, что они двинулись разгромить Китай. В 1931 году японские войска неожиданно напали и захватили Маньчжурию. В 1932 году они напали на Шанхай, а в 1933 вторглись во Внутреннюю Монголию и Северный Китай. В 1937 году китайско-японская война началась всерьез и закончилась захватом прибрежного Китая и отступлением националистов к Чунцину. Но потом был Перл-Харбор. И Хиросима.

Вследствие капитуляции Японии Китай вышел победителем, но разбитым победителем. Экономически он был истощен долгой войной. Политически он был разделенной нацией — коммунисты приобрели большую территорию и силу. Дипломатически он был разочарован тайным Ялтинским соглашением, предоставлявшим особые привилегии СССР на китайский счет. Китай был вынужден уступить Внешнюю Монголию как независимое государство, и большую часть своих суверенных земель в Маньчжурии по последовавшему советско-китайскому договору. Ялта снова открыла старые версальские раны Китая потому что во второй раз после мировой войны Китай, как «победитель» был продан своими союзниками. Многие китайцы стали скептически относиться к демократическому строю, видя, что западные демократии все еще ведут старую империалистическую игру сил. Психологически Китай еще не нашел для себя новых ценностей, чтобы заменить отмеченные старые.

Накануне завоевания коммунизмом, Китай был несчастной страной. Старый дракон, все еще ошеломленный, все еще бессильный, все еще помнящий старые обиды, уплывал на новых волнах от Запада.

**

Автор книги «Та та, тан тан» Валентайн Чжоу считает, что раньше каждый рассмеялся бы при мысли о возможности принятия китайцами коммунизма. Но сейчас коммунистический Китай — это реальность, хотя, как он говорит, она не результат этого принятия, не плод брака, а отродье психологического изнасилования.

Коммунисты согласовали свою идеологию с китайской тактикой, создав таким образом маоизм, более приемлемый для народа — и более смертельный. С другой стороны, суровость коммунизма вынудила народ отступить в свое обычное святое святых — в таоизм, вследствие чего было внешнее подчинение грубой силе. Эти две группы: маоисты, вооруженные учением Маркса, и народ, вооруженный таоистской философией, но обе применяющие характерную китайскую тактику, начали самую странную борьбу, когда-либо виданную в истории Китая. Невидимые удары и контр-удары, молчаливые нарушения и соглашения, недопустимые приемы борьбы противников всегда мало понятны чужим, иногда совершенно непроницаемы и время от времени вводят в заблуждение рациональный Запад.

«Коммунизм, — пишет Чжоу, — это идеализм дыбом, трагическая и безнадежная попытка достичь Прекрасного через Уродство. Его цель — это утопия абсолютной свободы, отсутствия войны и полного отмирания государства. Вот почему он зажигает звездами глаза у мечтателей. Но его путь к утопии — это мир посредством войны, свобода через рабство и демократия через диктатуру. Отсюда террор, голод, предательство и смерть — неизбежные этапы. В теории коммунизм — все для каждого. Фактически это бесклассовое общество, попираемое суперклассом. «Рай» трудящихся, в котором капиталистическая эксплуатация заменена эксплуатацией государством. Гигантская фабрика, в работе которой заинтересованность заменена страхом. Коммунизм обещает равенство, свободу, мир; он дает равенство лишений, свободу безумия и мир смерти».³⁾

Китайцы — мастера в практической психологии и стратегии в человеческих отношениях. Соскребите мораль китайской философии, оставив китайскую тактику для служения чуждой, безжалостной философии, и получается порочная система, неотягощенная угрызениями совести. Этот новый продукт может показаться в особенности чужим, китайским, хотя в действительности он совершенно противоречит сущности китайцев. «Мы, китайцы, никогда не применяем насилия, — заявил Мао. — Мы действуем убеждением». При помощи этого «убеждения» (по известному анекдоту о перце, насыпанном кошке под хвост) Мао превратил китайцев в нацию добровольцев (увы, не он один, и не только китайцев!). Люди добровольно доносят на своих друзей, родителей, добровольно просят конфисковать их имущество, идут сражаться и на рабский труд. Они вызываются добровольно не есть, не спать, не любить. И «иностранные черти» с благоговейным удивлением заявляют, что китайцы стали нацией фанатиков.

Маоисты более изобретательны, чем их советские учителя. Величайший вклад Мао в дело международного коммунизма это не «ревизионизм» его — что он делает в свое удовольствие, — а подача его под традиционным кисло-сладким китайским соусом. Многие рецепты Мао были вдохновлены его излюбленным чтением древних китайских книг по военным наукам и популярных романов. Он испытал их на практике во время своей партизанской войны и применяет теперь в бесконечных вариантах как в стране, так и в международной практике.

Все хорошие полководцы китайской истории любили уловки и представляли себе войну в виде шахматной игры. Они предпочитали выигрывать сражения, избегая лобовой атаки, пользуясь обманом, ловушками, блефом, контрблефом и тому подобными трюками. Одна из стра-

тегий Мао, когда он имеет дело с превосходящим противником, заимствована у Сунь-цзи, военного теоретика пятого века. Этот трюк, по словам Мао, заключается в следующем: «Противник наступает, мы отступаем. Противник отступает, мы преследуем. Противник окапывается, мы мешаем. Противник устаёт, мы атакуем. В этом — квинтэссенция партизанской войны. Сколько раз лучше снабженные и большие силы Чан Кай-ши сражались против призраков — ускользающих партизан, сколько раз они сосредоточивали тяжелый огонь по чучелам, моделям укреплений, или фейерверочным ракетам. Мао никогда не атаковал сильнее противника прямо. Он никогда не давал боя, если противник ждал его.

Впоследствии, когда его армия выросла до таких размеров, что он мог давать регулярные бои, Мао развил свою знаменитую технику: «Та та, тан тан; тан тан, та та» (сражаться сражаться, говорить говорить; говорить говорить, сражаться сражаться). Два слова всего, однако они выражают ту хитрость, с помощью которой Мао справился со многими врагами. Умело манипулируя внезапными боями и обманчивыми соглашениями, Мао избежал бесчисленных военных разгромов, в нужный психологический момент выступая с разумным предложением переговоров, и закончил многие бесполезные разговоры неожиданной атакой. Разумеется, когда Мао сам становится сильнее своего противника и сам подготовил все мизансцены, он прикончит его, даже если тот предпочел бы поговорить.

Другой древний трюк, называющийся «сеянием раздора», стал одним из наиболее смертельных орудий коммунизма. Мао пользовался им в Китае под маской единого фронта и на международной арене — под маской нейтралитета. По его собственным словам главная его стратегия в отношениях с Западом заключается в следующем: тактическим принципом остается использование противоречий между ними для того, чтобы победить большинство, противодействовать меньшинству и разгромить противников каждого в отдельности. При индоктринации китайского коммуниста ему всегда говорится, чтобы он не забывал, что сегодняшний друг может стать его врагом.

Маоисты мешают марксистскую диалектику с китайской двойственной манерой речи, о чем свидетельствуют и официальные документы. Цветистый китайский язык, богатый тончайшими оттенками и литературными сравнениями, редко может быть переведен без того, чтобы не утратить «сверхтонов», имеющих большое значение. Многие заявления пекинского правительства составлены сразу по нескольким направлениям, особенно в китайском тексте. Когда китайские коммунисты называют что-либо «в основном выполненным», они намекают, что это не выполнено. Если они хотят публично признаться в своей ошибке, то сперва расхваливают плохую работу. Несмотря на тяжеловесность тевтонского стиля марксистских выражений, характерное для Пекина заявление представляет собой смесь китайских лингвистических красот и коммунистической диалектики, часто нарочно запутанной для особых эффектов и возможных переключений и подтасовок в будущем.

Комбинация китайской тактики, манерности и марксистского маккиавелизма привела к двойственному языку и «трансцендентальной» статистике маоизма. Еще больше способствует заблуждению поведение китайцев. В коммунистическом Китае вещи редко бывают такими, как выглядят. Для того чтобы понять, что там происходит, не следует забывать, что сила китайцев в их слабости. Добиться ложного признания от китайца легко, но действительно «промыть ему мозги» — очень трудно. Завоевать Китай легче, чем править им. Китайцы чрезвычайно слабы как нация, но жестки как раса. Это парадокс, но китайцы парадоксальный народ.

Кто же такие китайские коммунисты, руководящие четвертью всего человечества? Китайская коммунистическая партия десять лет тому назад насчитывала семнад-

3) Там же, стр. 13—14.

цать миллионов членов. (При своем основании в 1921 году — шестьдесят человек). В число ее основателей входили профессоры, ученые мандарины, землевладельческая интеллигенция, но не крестьяне или рабочие. Когда она стала воинствующей партией, она привлекла в свои ряды бывших полководцев, солдат и преступный элемент, но в нее стали также входить крестьяне и рабочие и, позднее, разочарованные интеллигенты. Хотя коммунистическое движение теоретически основывается на пролетариате, китайской компартии надо было опираться на крестьянство, составлявшее 80 процентов населения, в то время как рабочие только один процент. Десять лет тому назад партия состояла, грубо считая, из 70 проц. крестьян, 14 — рабочих, 12 — интеллигенции и 4 — разных элементов. Но поскольку все коммунисты не доверяют крестьянам, а интеллигенты слишком часто склонны думать самостоятельно, их процент старались понижать. Действительная власть в партии принадлежит небольшой группе людей, главным образом из бедных и бывших бедных малоземельных кругов интеллигенции. Исключая Чен Юна, бывшего наборщика, десять лет тому назад во внутреннем правящем кругу Китая не было ни одного рабочего.

Мао Цзэ-дун, обоготворяемый «отец народа» — сын сельского торговца зерном. Он ненавистник Конфуция, идеалистический исследователь Маркса, фанатический ученик Сталина, мистик и хитрый политик, — пишет Валентайн Чжоу. Поскольку его книга написана десять лет тому назад и за это время как в партии, так и во внутренней и внешней жизни страны произошло много перемен и изменений, дальнейшую характеристику вождей и, до некоторой степени, его прогнозы будущего можно оставить в стороне. Конечно, он, как и многие другие, не смог избежать в своем анализе стремления принять желаемое за сущее — «вишфул синкинг».

Однако не совсем лишены интереса его замечания о китайских статистических данных — и приводимые им примеры (по газетным сообщениям, большей частью из «Женьминьжибао», крупнейшей китайской газеты) о всевозможных кампаниях, как «Моментального рая», обещанного Мао, так и «Великого скачка» (до хунвейбинов и «культурной революции» дело к моменту окончания книги еще не дошло). Примеры печальны, конечно, в своей трагической анекдотичности, в трагической бессмыслице, в преступном недомыслии — если не назвать это иначе — и сравнение с такими же по существу «экспериментами» — и такими же результатами в Советском Союзе — напрашивается само собой — да и как может быть иначе при общности коммунизма?

«На Западе неизвестно, — пишет автор, — каким образом в Китае собираются статистические данные, решаются уравнения и выводятся окончательные цифры. Но фактически для скептического статистика имеется достаточно указаний; даже не противоречивые цифры зачастую совсем туманны. Самый излюбленный прием — процентуальность. Категории не определяются. Товары, не говоря уже о мерах, не перечисляются. Основания для исчисления цен перемещаются как угодно, иногда исчезают совсем. Себестоимость и оплата труда в расчет не принимаются вообще. Различие между потребительскими и производственными товарами делается не по спискам, а по министерствам. Концепция валового национального дохода туманна».⁴⁾

Данные об урожае зерновых, имеющие первостепенное значение, еще более запутаны. Вместо того, чтобы подсчитать урожай в амбарах, как делается повсюду в мире, китайцы берут за окончательный урожай предварительную оценку его на корню. Но в этой оценке не предусматривают погоды, стихийных бедствий и расхождений

действительности с желаемым. Кроме того, оценка производится по образцам, которые выбираются обычно в лучших совхозах на плодородной земле.

Китайцы могли бы быть хорошими математиками. Они построили прямой угол, вычислили Пи и занимались интеграцией задолго до Эвклида и Архимеда. Они составляли учебники по математике, когда греки были еще варварами, не знавшими письменности, и изобрели первую счетную машину (хорошо знакомые русским «счеты»), которая еще и сегодня в ходу. Но склонность к искусству и мистицизму взяла у них верх, и поскольку это получилось, то их науки, медицина и математика представляют собой смесь изумительных истин и наивной ерунды.

«Во время первого десятилетия коммунистической власти в Китае возникло новое феноменальное явление. Китай внезапно превратился из страны приблизительной оценки неизвестных количеств в страну, которая при каждом удобном и неудобном случае забрасывала остальной мир градом статистических данных. Возникла следующая картина: пекинский статистик преподносил свои цифры, а иностранный наблюдатель покорно принимал их. Получалась сияющая картина Нового Китая. — по статистическим данным».⁵⁾ Каковы подобные данные — показывает хотя бы следующий пример:

В январе 1958 года «Женьминьжибао» писала, что в 1957 году в Китае было 12 036 стандартных тракторов. В апреле того же года в коммюнике о выполнении первого пятилетнего плана писалось, что тракторов было в 1957 году 10 177. И в том же году в официальной брошюре «Десять великих лет» это число было повышено до 24 629.

Министр образования сообщил, что 60 миллионов неграмотных обучились читать, а в высших школах в 1958 году было 11,99 млн. студентов. Соответствующие цифры Национального Статистического бюро составили 40 и 9,99 млн. Расхождение — от двух до двадцати миллионов.

Фальсификация статистики происходит вдвойне. Данные раздуваются на местах, чтобы одурачить партию, и на верхах партии, чтобы одурачить мир. Одно время анкеты настолько наводнили жизнь, что даже советским гражданам это показалось бы невыносимым: за один только год статистическое бюро провинции Ляодун выпустило 316 типов статистических опросных листов, состоящих из 11 ежедневных, двух трехдневных, 31 пятидневных 89 месячных, 31 квартальных, 31 десятидневных, 5 полугодовых, 8 годовых и 108 особых отчетов.

Разумеется, не обошлось и без «новаторов», вроде одного «канпу» в Южном Китае, который посадил на одном акре в двенадцать раз больше риса, чем полагается, затем устроил над полем помост, насыпал на доски земли и посадил на них снова рис. Для того, чтобы в «нижнем этаже» было достаточно света, он провел под помост электричество и повесил кроме лампочек вентиляторы. Шесть тысяч крестьян, студентов и бывших лавочников были привлечены к работе. Результат: никакого урожая.

Среди самых «популярных» технических нововведений была глубокая вспашка и частый сев в сельском хозяйстве. Вместо того чтобы пахать на глубину в 5 дюймов и сажать рисовую рассаду на расстоянии 6 дюймов, как обычно, партия приказала пахать на глубину от одного до двух футов и сажать рис на расстоянии одного-двух дюймов. Все это сопровождалось не меньшим барабанным боем, чем пресловутая кукуруза в Советском Союзе. Результат: многие растения ослабли или погибли, а почва была истощена.

В земледельческом Китае больше, чем в какой-либо другой аграрной стране, каждая долина, каждая поляна имеют свои особые комбинации почвы, климата и экономических требований, которые не могут быть изменены

⁴⁾ Там же, стр. 39.

⁵⁾ Там же, стр. 37.

без усиленного применения химических веществ и современного удобрения — а этого именно и не хватает. Но китайские крестьяне давно уже добивались лучших урожаев с наибольшим использованием всех возможностей. Так, например, в производившей шелк области вблизи Кантона крестьяне занимались издавна параллельно разведением рыбы. Навоз от шелковичных червей они употребляли для корма рыбы в прудах, затем выгребали плодородный ил из прудов, чтобы удобрять им тутовые деревья, листья которых идут на пищу шелковичным червям, используя таким образом буквально все. Но когда эти тутовые деревья были срублены рьяными партийными работниками, чтобы посеять на их месте рис, то весь цикл экономики был нарушен и уничтожен, а рис рос плохо или совсем не рос.

После того как была проведена кампания по уничтожению воробьев, оказалось, что расплодилось насекомые, вредящие растениям. Были посланы самолеты или проведено и вручную распыление химических веществ для уничтожения вредителей. Погибли не только насекомые, но и домашний скот, отравлявшийся этими ядами — сотни тысяч поголовья скота. Орошение в Китае — древняя наука. Укромление рек и рытье каналов можно проследить начиная с восьмого столетия до Р.Х. Общее протяжение каналов в старом Китае составляло 300 000 миль; типы орошения очень сложны, будучи приспособленными к каждой области. Коммунисты заявили, что в течение десяти лет они увеличат орошаемую площадь с 40 млн. акров до 180 млн. акров. Действительно, было вырыто 105 миллиардов кубометров — это равняется 450 Панамским каналам — и построена колоссальная сеть каналов, чтобы провести воду южного Китая в северный. Но, тем не менее, — факт, что сохранение воды в Китае принесло больше вреда, чем пользы. «Женьминьжибао» в июне 1959 года суммировала положение с гигантскими проектами: «Имеются водохранилища без воды, и водохранилища с водой, но без акведуков... множество работ для предохранительных мер от наводнения не были сделаны, а если начаты, то не закончены».

Гигантские планы о «защитных насаждениях» — высыхающих сразу же после посадки — и наряду с этим вырубание одним махом защищающих лесов; искусственно создаваемые засухи рытьем глубоких каналов в областях с высоко стоящей подпочвенной водой; эрозия почвы... Чжоу приводит в своей книге такое множество примеров с фактическими данными, что они могли бы показаться невероятными, если бы, увы, у читателя не было бы уже достаточно сведений о не менее трагических

экспериментах, проводившихся «великим братом» коммунистического Китая.

Результат у обоих «братьев» одинаков: пшеницу покупают пока что на Западе.

*
**

Книга «Та та, там там» изобилует также многими фактическими данными» (поскольку можно доверять сообщениям китайских газет, в том числе крупнейшей из них, «Женьминьжибао», в особенности после оценки автором китайской статистики), но тем не менее они дают общую картину, может быть несколько более откровенную, чем советские газеты первых десятилетий — провалы одной кампании легко устанавливаются началом другой, противоположной ей — но по сути совершенно аналогичную советской. Разница в подробностях, деталях, обстановке, манере. И, разумеется, разница в психологии народа.

Поэтому, если в настоящий момент многие из этих данных уже утратили свое значение и интересны только с исторической точки зрения — а история шагает в наше время большими шагами и после «доменных печей на задворках» дымивших в Китае в пятидесятых годах, атомная бомба все-таки сделана, и вряд ли таким же кустарным способом, психологические высказывания автора совершенно не утратили своего интереса, скорее даже наоборот. Именно теперь, когда возрос и общий интерес, и контакты с Китаем, следовало бы больше знать о стране, ее истории и народе.

Тем более, что, как показал гораздо более долгий советский опыт, несмотря на все ухищрения, гнет и террор партии далеко не удалось полностью вытравить национальные черты народа и создать совершенно другого, «советского человека». В Советском Союзе переделка началась, фактически, с 1917 года. В Китае — на тридцать лет позднее. Правда, у китайцев гораздо больший опыт: тот же автор говорит, что у них было и полицейское государство с контролем «мыслей» в течение двухсот лет, и вообще такой древний народ мыслит и действует по другим категориям.

Совершенно особый интерес представляют эти высказывания ввиду того, что автор, будучи сам китайцем, воспитывался на европейской культуре в такой же степени, как и китайской: он не только знает, о чем говорит, но явно может смотреть и другими глазами, с другой, европейской стороны, обращая внимание на то, что больше всего бросается в глаза западному человеку.

Послание Третьего Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей Православному русскому народу на родине

*«В мире скорбни будете, но дерзайте,
яко Аз победих мир».*

(Евангелие от Иоанна, гл. 16, ст. 33).

*«Со временем падет вера в России;
блеск земной славы ослепит разум;
слова истины будут в поношении,
но за веру восстанут из народа неиз-
вестные миру и восстановят попра-
ное».*

(Пророчество старца Глинской
пустыни Порфирия).

Православные братья и сестры!

Осеняемый древней чудотворной Курской-Коренной иконой Владычицы нашей, Пресвятой Богородицы, по

зову Первосвященника свободной части нашей Русской Церкви Митрополита Филарета собрался в стенах Троицкого монастыря в Джорданвилле в Америке Третий Всезарубежный Собор Русской Православной Церкви заграницей.

Едиными усты и единым сердцем вознеся ко Господу молитвы о страждущем русском народе и о всех в темницах, заточении и тяжких обстоятельствах сущих, Третий Всезарубежный Собор, как и соборы прежних лет, проходившие под председательством Митрополита Антония Киевского и Галицкого и Митрополита Анастасия, внимательно ознакомились с положением Церкви, с условиями церковной жизни и с судьбами верных сынов и дочерей Русской Церкви на родине.

Прибывшие в Троицкий монастырь епископы свободной части Русской Церкви и представители клира и мирян всех 14 епархий зарубежья, охватывающих Западную Европу, Северную и Южную Америку, Австралию и части

Азии и Африки, засвидетельствовали тем самым свою любовь к гонимой Церкви и к ее подвижникам и свое внимание к процессам духовного пробуждения на родине. В то же самое время Собор полностью поддержал заявление Высокопреосвященнейшего Митрополита Филарета о невозможности для свободной части Русской Церкви установления общины с Московской Патриархией, которая даже в своих чисто церковных действиях, увы, — несвободна. Свободная часть Русской Церкви твердо стоит на канонической основе Постановления Святейшего Патриарха Тихона от 7/20 ноября 1920 года и, пользуясь своей свободой, всегда громко возвещала и возвещает всему миру о преследованиях Церкви в СССР.

Собор имеет подробные сведения о верных даже до смерти пастырях и мирянах нашей Церкви, по сей день томящихся во Владимирской тюрьме, в пермских, мордовских и др. лагерях. Мы также из верных источников имеем сведения, касающиеся укрепления или возрождения религиозной веры в разных слоях и в различных возрастных группах населения нашей страны. Собор принял во внимание ряд документов так называемого Самиздата, в частности, исходящих из кругов Истинно-Православной Церкви (Патриарха Тихона), и ознакомился с данными о религиозной жизни на родине, собранными разными доступными нам путями.

Известный писатель А. И. Солженицын представил Собору свое письменное обращение, в котором описал, как «скорбная картина подавления и уничтожения православной Церкви» в СССР сопровождала всю его жизнь от первых детских впечатлений. По убеждению писателя, «приходится признать», что декларация Митрополита Сергия Старгородского о лояльности Церкви к безбожной власти, изданная им в 1927 году, «не была спасением Церкви, но безоговорочной капитуляцией, облегчающей властям „плавно“ глухое уничтожение ее». А. И. Солженицын считает, что обманом были и так называемые уступки 1943 года: «Вот прошло еще 30 лет — и все с той же несмирившей атеистической злобой власть гнетет и давит русскую Церковь и лишь в той мере терпит ее — думает, что в той мере! — как нуждается в ней для политической декорации и вмешательства в дела Церкви международной».

Эти слова созвучны тому, что сразу после декларации Митрополита Сергия писали многие епископы в России, и тому, что тогда же и в последние годы заявляли Митрополит Антоний, Митрополит Анастасий и соборы русских епископов за границей с тех пор и доньше.

Но, пишет Солженицын Собору, «чувствуя плечи друг друга, мы утверждаемся против гонений. Круг верующих еще много шире, чем кому доступно и кто смеет посещать храмы. В Рязанской области, которую я наблюдал больше других, до 70 процентов младенцев окрещивается, несмотря на все запреты и преследования, а на кладбищах кресты все больше вытесняют советские столбики со звездами... Конечно, это еще далеко не разгорбленная (не освобожденная) Церковь: она пронизана доносителями на штатных должностях, ограничена во всех видах гражданских прав, ее священники — под произволом атеистических самодуров, реально не существует приход и приходская деятельность, отрезаны пути христианского воспитания отрочества и юности, — но уже молодость сама своими ногами все гуще приходит в храмы... Церковь пережила жестокости, которых пережить невозможно, и вот стоит, хоть и далеко от своего естественного объема, и вот крепится — если не организацией своей, то духом верующих и новообращенных...».

А. И. Солженицын свидетельствует, что «нынешняя Церковь в нашей стране — плененная, унетенная, придавленная, но отнюдь не падающая! Она восстала на духовных силах, которыми, как видим, Господь не обделил наш народ». Ее «воскрешение и стояние» Солженицын не приписывает верности программе Митрополита Сергия Старгородского и его последователей.

«Я поклоняюсь памяти Патриарха Тихона, — пишет Собору А. И. Солженицын. — Внезапная смерть Патри-

арха (с большой вероятностью — чекистское убийство) лишь подтверждает праведность его линии. Таким же смертным подтверждением в тюрьмах ГПУ, на Соловках, в других лагерях и ссылке была отмечена правота тысяч священников, монахов, епископов и патриаршего местоблюстителя Петра. И кто преклоняется перед твердостью их, тот не может не оплакать ложную линию угодничества, начатую Митрополитом Сергием... а его последователями продленную и даже раскатанную по наклонной вниз. Теперь мы обучились, да и то не все, что лютотворческой силе, впервые вообще узнанной в XX веке и первыми нами, в России, недопустимо духовно подчиняться ни на вершок: всегда — гибель. Под этой властью только твердостью мы добываем простор, либо когда власть вынуждается; из доброй милости мы никогда еще не получали ничего. А последние годы таково в нашей стране расположение сил и слабостей, что Московская патриархия могла бы сама, одной лишь непреклонностью своею, быть может с потерей нескольких должностей, — от многих пут и унижений решительно рассвободить нашу Церковь. Я и сегодня не смотрю иначе на предмет моего письма Патриарху Пимену в позапрошлом году. К освобождению от лжи кого же было призвать первым, если не духовных отцов?».

В одном из документов так называемого Самиздата, рассмотренных Собором, мы читаем:

«Духовное обновление России и освобождение Церкви еще предстоят». И тогда Московская Патриархия и Катакомбная Церковь и мы, Зарубежная Церковь, предстанем на суд поместного Собора Русской Православной Церкви.

Собор свидетельствует:

Граница между охранением Церкви и соблазнительным самосохранением проведена Святейшим Патриархом Тихоном, его законным местоблюстителем Митрополитом Петром, Митрополитом Казанским Кириллом, Петроградским Митрополитом Иосифом и соловецкими исповедниками во главе с Архиепископом Илларионом (Троицким).

Эту границу за последние годы вновь четко провели Архиепископ Ермоген, некоторые священники, среди них Николай Гайнов и Димитрий Дудко, вятские миряне во главе с Борисом Талантовым, защитники Почаевской Лавры, такие, как Феодосия Кузьминична Варрава, и многие другие.

Эту границу провел и Солженицын своим призывом «Жить не по лжи!».

Жить не по лжи и чтить память святых мучеников и исповедников нашей Церкви — это и есть граница, отделяющая действительных тихоновцев от «иродовой закваски сергиевщины», как об этом писал умерший в заключении обличитель нынешних возглавителей патриархии Борис Талантов.

В своих неусыпных молитвах друг за друга, в своей любви о Господе Иисусе, в своей верности идеалу прошлой и будущей Православной Руси верные архипастыри, пастыри, иноки и миряне по обе стороны Железного занавеса едины. Вместе они составляют Святую Церковь Русскую — неделимую, как неделим нешвенный хитон Христов.

Всезарубежный Собор принял ряд решений об оказании практической помощи духовному возрождению на родине силами российского церковного зарубежья.

Самый великий проповедник Христовой веры святой Апостол Павел в одном из своих посланий говорит: «Кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят, маран афа» (т. е. Господь наш грядет). Самыми лютыми ненавистниками Христа Спасителя в человечестве оказались Маркс, придумавший коммунизм, и Ленин, соблазнивший коммунизмом русский народ, сковавший его коммунистическим пленом и задумавший распространить этот проклятый апостолом коммунизм на весь мир. 56-летний плен России коммунизмом ясно показывает, что он вдохновляется дьяволом, которого Христос Спаситель назвал человекоубийцей, лжецом, отцом лжи и всякого зла (Иоанн. 8, 44). Мы, по милости Божией избежавшие коммунистического плена и всех его бедствий, зовем того-

страдальный русский народ и в том числе доблестное воинство и всех коммунистов отвергнуть в своей жизни марксизм-ленинизм и возвратиться к вере своих отцов, возвратиться к Христу Спасителю Богу нашему. Нам всем надлежит принести Богу искреннее, глубокое и чистосердечное покаяние и в покаянии обрести как бы второе крещение, которым тысячу лет тому назад просветил русский народ святой равноапостольный великий князь Владимир. Тогда наша великая многострадальная и славная Россия обретет свой исторический путь и дарует всему русскому народу и всем народам, населяющим нашу страну, свободную и благословенную жизнь на обновление всего смятенного ныне человечества.

ФИЛАРЕТ, Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский, Председатель Собора Епископов Русской Православной Церкви Заграницей.

НИКОН, Архиепископ Вашингтонский и Флоридский.

СЕРАФИМ, Архиепископ Чикапский и Детройтский.

ФИЛОФЕЙ, Архиепископ Берлинский и Германский.

ВИТАЛИЙ, Архиепископ Монреальский и Канадский.

АНТОНИЙ, Архиепископ Лос-Анджелесский и Южно-Калифорнийский.

АВЕРКИЙ, Архиепископ Сиракузский и Троицкий.

АНТОНИЙ, Архиепископ Женевский и Западно-Европейский.

АНТОНИЙ, Архиепископ Западно-Американский и Сан-Францисский.

Ей, Господи, услыши сие моление недостойных рабов Твоих по предстательству бесчисленного сонма святых мучеников, пострадавших от Твоих врагов, с Святейшим Патриархом Тихоном, святителями Божиими, сохранившими истину, Царем Мучеником Николаем Вторым и Его Семейством и бесчисленным множеством людей, убитых, замученных и погубленных во имя господства зла на земле, которое да обратится в торжество правды, истины и света Божия.

Сия победа, победившая мир, вера наша. Аминь.

Свято-Троицкий монастырь,

Рождество Пресвятой Богородицы

1974 года.

СЕРАФИМ, Архиепископ Сан-Паульский и Бразильско-Венесуэльский.

ФЕОДОСИЙ, Архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский.

НЕКТАРИЙ, Епископ Сеаттлийский.

ПАВЕЛ, Епископ Штутгартский и Южно-Германский.

ЛАВР, Епископ Манхеттенский.

КОНСТАНТИН, Епископ Бризбенский.

Вице-Председатели от духовенства:

Протопресвитер Иоанн Легкий и

Протопресвитер Алексей Ионов.

Вице-Председатели от мирян:

Профессор Василий Иванович Алексеев и

Светлейший Князь Владимир Димитриевич Голицын и 70 членов Собора.

ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВ

Медведевский случай *)

В пятом-шестом выпуске «Хроники защиты прав в СССР» за ноябрь-декабрь 1973 г. опубликованы три письма, обращенные к братьям Медведевым. Полные достоинства и сдержанности — Сахарова и Чалидзе и динамичное, прицельное, пневное — Максимова. По-моему, если писать подобным адресатам, так только по-максимовски.

Со времени разоблачения ленинско-сталинских преступлений и «официозные» изыскатели в СССР и домоседы-ученые анализировали попытки, убийства, уничтожение миллионов и миллионов «с научной точки зрения», то есть, запутывали кровавую суть туманными терминами, отыскивали причины и истоки этих преступлений в русской истории и рассуждали об этом безумном периоде так, будто дело шло о рядовом историческом заблуждении, будто убийцы осуждены и наказаны, будто это в СССР никогда больше повториться не может.

Официозные «разъяснения» культа личности (придумали же словесные эквилибристы такое хитрое обобщение) иначе ничего разъяснять и не могли, так как среди них преобладали и убийцы, и пособники, и сподручные, и соучастники в тех преступлениях. А вот домоседы-ученые, среди которых немало и жертв и сирот, они-то почему, почти все, вкрякывают собственную растоптанность с усталым видом патологоанатомов? Даже те, которые нынче уже за океаном живут в относительной безопасности.

Безусловно, научный подход в таком деле необходим, но и наука не отвергает метода называть вещи своими

именами. Тем более, что весь тот ужас не минувшее, не исчезнувшее, а живое, теплое, ненаказанное.

Когда я говорю о тех, кто рассуждает глубокомысленно и путанно о вещах простых и страшных, я имею в виду деятелей, обремененных учеными знаниями, тех, кто по-рыбьи холодно, не моргая, смотрит в чудовищное, до сих пор распахнутое настежь вчера, кто пытается собрать жатву в закрома личные с полей еще шевелящихся, стонущих и молящих о незабвении.

На днях попалась мне статья историка Роя Медведева «Проблема демократизации и проблема разрядки». Как грустно складываются судьбы ученых-историков в СССР! То все как один лгали бесстыдно и насильно повелительницу свою Историю беззастенчиво, а она не сопротивлялась под дулами автоматов. Когда же дула отвели чуть в сторону, стали сами себя опровергать. Но опять ложно и еще опаснее. Теперь для этой лжи открылся дополнительный адрес — Запад, где ложь и печатают, и даже гонорары за нее платят. Нынешние советские историки научились лгать по-умному: чтоб и волки сыты были и овцы приумножились. Казалось бы, что невозможно без позора выбраться из жгучего вчера. Оказалось, что вчерашний позор можно обратить на пользу его виновников, прямых руководителей преступлений. Р. Медведев говорит: «Что было, то было. Но ведь было, а теперь нет». А чего нет? Того, что не убивают нынче миллионами, а только единицами? Так ведь сократились без гарантии на будущее. И органы насилия разрослись еще с тех чумных времен. И все готово, только знак нужен. И эту-то зыбкую болотную ситуацию историк Медведев выдает за надежды на светлое завтра, оставляя заслонку-отговорку на послезавтра себе и вождям. Мы, мол, вас заверяем, господа загнивающие капиталисты-империалисты, что завтра или послезавтра у нас все будет о-кэй, а вы нам пока что кредиты, скидки, льготы, а вы нам свое разоружение и сокращение своей армии сегодня. Под наше послезавтра.

*) Эта статья стала снова актуальной ввиду того, что Рой Медведев 1) основал «самиздатский» журнал «Двадцатый век», в котором принимают участие М. Якубович, сотрудник сов. агентства «Новости» и антисоветского советского фильма, и Д. Витковский, также поставивший себя на службу советской травле А. И. Солженицына, и 2) написал очень резкое и недобросовестное осуждение 3-й и 4-й части «Архипелага ГУЛага» А. Солженицына.

Прочитал я эту статью Роя Медведева, вспомнил его же труд «О социалистической демократии», вспомнил и статью Бориса Суварина «О социалистической демократии по Рюю Медведеву», и пришло: а не настала ли пора для историков и неисториков раз и навсегда перечеркнуть и особо в применении к СССР лживое это «социалистическая демократия». Нет, не социалистическая демократия, а диктатура удушающая, ставшая еще более угрожающей для всей Земли оттого, что усилилась значительно и поумнела. Оттого, что сумела схватить передовые достижения военной науки. Оттого, что Запад еще поглупел со времен Мюнхена. Оттого, что ничему не научила его ялтинская катастрофа.

А ведь объявленная больному саркома, как станет это объявление широко известным, вгоняет в страх всех его знакомых и гонит их к нему под видом сочувствия выяснить и уточнить симптомы, чтобы прислушаться, приглядеться к себе. И думают знакомцы, глядя на больного: «А не заразна ли она, саркома эта?».

А вот социалистическая демократия действительно разна (страны Восточной Европы, Китай, Куба, Чили, вытравившаяся еле-еле). Ибо ее метастазы активно направлены. Ибо она учла слабые места атакуемого объекта и выбрала самый незащищенный участок — демократию Запада. Вот как оборачивается с западной демократией: вчера, еще только вчера благо, а завтра троянский конь.

И, видимо, в этом человек весь: лично для себя боится саркомы, бежит от нее, а соберется этот человек с другими и слепнет, и глохнет, и горланит, будто нет на свете никакой саркомы. Смелеет человек в толпе. И глупеет.

Американский конгресс прозорливо проголосовал против предоставления благоприятного режима в торговле социалистическим демократиям, а 177 американских фирм дружно и наперегонки строят для СССР заводы и фабрики. И любознательно, что может сказать по этому поводу историк Медведев. Думаю, вспомнит он примеры недалекие исторические и одобрит американцев. А вот по поводу хлеба, который продали канадцы и американцы Сов. Союзу, сумел он завернуть, что, мол, хлеб этот продали империалисты по злому умыслу, дабы не развивалось в СССР сельское хозяйство. И надо отдать ему должное: ловок историк и владеет в совершенстве «ультраджугашвилиевским методом», о котором писал Кестлер.

Борис Суварин в уже упомянутой мной статье очень точно характеризует личность Медведева, и не прав он, на мой взгляд, лишь в одном. Он пишет: «Медведев был сформирован, обучен и выдрессирован в школе сталинского обскурантизма и в духе марксизма-ленинизма, от которого не может отделаться, несмотря на свое искрeннeе желание (разрядка моя — П. Л.) внести лепту в изыскание исторической правды...». И в этой же статье Борис Суварин цитирует наверно известное Медведеву, из Ленина: «Диктатура — это власть, непосредственно опирающаяся на насилие и не связанная никакими законами», «Неограниченная, сверхзаконная власть, опирающаяся на силу в самом точном смысле этого слова, это и есть диктатура»... и затем: «Научное понятие диктатуры относится к ничем не ограниченной власти, которую не обуздывает никакому закону и никакому правилу и которая основывается непосредственно на насилии». И как же увязать эти заветы Ленина с надеждами на светлое завтра социалистической демократии, которое обещает нам во всех своих исторических трудах искрeнний Рой Медведев? Ведь ни один из членов политбюро пока еще не отрекся от ленинской догмы. И кто посмеет сказать, что отречется? Разве что Рой Медведев, который пишет: «В Советском Союзе в последние 15—20 лет выросло новое поколение людей, и растет одновременно новое поколение руководителей, значительная часть которых может оказаться способной иначе смотреть на проблемы и перспективы развития СССР, чем многие руководители уходящего поколения». Опять жонглирование нолями информации. Как это иначе смотреть? Иначе, чем Хрущев и в какой-то мере Брежнев? Или иначе, чем Ленин и Сталин? И что имеется в виду под расплывчатым «смотреть на проблемы и перспективы развития СССР». В ка-

ком смысле «смотреть»? В смысле принуждения Запада к торговле путем угроз и шантажа? Или в смысле более тонкого обыгрывания Запада все с той же желанной мечтой-целью его съест? И какое такое новое поколение руководителей имеет в виду историк? Уж не то ли, вращенное в стенах ЦК ВЛКСМ, не то ли, которое в последнее двадцатилетие особенно активно поставляет кадры в КГБ и МВД, даже руководящие, вплоть до министров.

А какой незавуалированный шантаж можно, не напрягаясь, увидеть в строках той же статьи Медведева: «Ибо страна, изолированная от внешнего мира, отгородившаяся от него разнообразными барьерами «холодной войны», становится нечувствительной к протестам и к мнению мировой общественности». Значит, коль Запад вдруг вздумает перестать торговать и общаться с СССР, то в СССР могут повторить тридцатые, и сороковые, и пятидесятые годы. А ведь не пишет историк о том, что изоляция СССР сегодня гораздо опасней для его вождей, ибо изуверившийся в марксизме-ленинизме народ только и существует под властью этой двумя надеждами: «Не было б войны! Был бы хлеб!».

Спору нет, опасно зажимать в угол страну, имеющую водородные бомбы, средства их доставки и ленинские заветы. Но еще опасней следовать «тонким» намекам и рекомендациям историка Медведева и широко растворять ворота Запада троянскому коню социалистической демократии.

И пишет историк труды, и статьи, и письма. И не боится. И хочется задать ему во второй раз максимовский пулевой вопрос: На кого вы работаете и кто вы, братья Медведевы? И есть у меня уверенность, что трудно будет им ответить на этот вопрос.

В статье «Проблема демократизации и проблема разрядки» историк называет себя «мы» не по традиции авторов исследований, а по двуличию собственного «я». Безапелляционно обрывая Сахарова, Солженицына и Максимова по вопросам неоспоримым с точки зрения истинной демократии, историк почему-то не называет по именам ни Максимова, ни спасителей родного брата. Он запросто «пронумеровывает» их. Он пишет: «один человек», «второй человек», «третий человек». Причем критикуемые им положения «этих троих» всемирно известны.

В этой же статье Медведев пишет о том, что положительной оценки заслуживает ратификация советским правительством Пакта о социальных, экономических и культурных правах и Пакта о политических и гражданских правах. Оказывается, сделали милость Западу, подписали. Но только помнится мне, что лично сам историк Медведев не однажды констатировал и возмущался тем, что в СССР и СССР нарушает любые пакты, законы, конституцию. И опять придется напомнить верному ленинцу слова его учителя о диктатуре, которая плюет на любые законы и правила. А значит, на подписи тоже.

В статье часто звучит «вмешательство во внутренние дела». По Рюю Медведеву это вмешательство выглядит так: когда СССР давит на американский конгресс — это никакое не вмешательство; а когда американцы хотят торговать на приемлемых для них условиях — это вмешательство. А ведь условия американцы выдвигают именно те, которые совпадают с «надеждами» историка. Ни злата лишнего, ни серебра не просят американцы, а просят они немножечко свободы, дыхания свободного для сограждан историка. Но Медведеву ленинизм дороже свободы, дороже собственной памяти, которая помнит же о том, что отца его изничтожила ленинская социалистическая демократия. И подумает только, что такого преданного ленинца исключили из партии! Но хоть не посадили и на том, как говорится, спасибо. А Буковского посадили! И Амальрика посадили! Да, они менее известны на Западе, чем Сахаров, Солженицын, Чалидзе, Максимов, но не менее же, чем Медведев. И выходит, что везет человеку. И пишет, и критикует, и разоблачает, а не сажают. И даже в прессе почти не ругают.

И еще выходит по Медведеву: нет, категорически не правы Сахаров, Солженицын и Максимов, что обращаются к Западу с призывами. Не надо, оказывается, этого

делать. Только хуже от этого будет. Только еще больше сажать начнут правдолюбцев в стране с подающей, по Рюю Медведеву, такие светлые надежды на послезавтра. И тут же высказывает историк сомнения в духе АПН: «Мы (и кто же эти «мы»?) вообще очень сомневаемся, что большинство ведущих государственных деятелей Запада сколько-нибудь серьезно озабочены проблемами политических и гражданских прав в СССР и в Китае. В конце концов, и Никсон, и Помпиду, и Хит защищают интересы правящих классов (разрядка моя. — П. Л.)».

Сомневается Медведев в искреннем желании государственных деятелей Запада помочь народам СССР и Китая. Вот в искреннем намерении Москвы разоружаться и демократизироваться он нисколько не сомневается. Да и как же иначе? Раз западные деятели защищают интересы правящих классов, ленинец Медведев имеет право сомневаться. Кстате, советские деятели, кажется, тоже защищают правящий класс?

А то, что западные деятели избираются народом, а не трубой силой, не безвыборными выборами, не ложью неусветной, и то, что худо-бедно, но живут их народы в атмосфере духовной свободы, пусть иногда и омрачаемой не без помощи СССР, и имеют каждодневно свой хлеб насущный, и то, что самого историка эти деятели не запрещают публиковать, это все не в счет. И то, что если вдруг самого историка, неправильно истолковав его добрые намерения, нечаянно посадят, эти самые неискренние западные деятели могут еще и заступиться за него, тоже не в счет.

Вполне возможно, что и не стоило бы так много писать о «медведевском случае», если бы не было в нем уж очень неприятной, черной неблагодарности. И Сахаров, и Солженицын не только спасли от психушки Жореса Медведева. Они же облагодетельствовали обоих братьев. Ведь если разобраться в их писаниях по-честному, то получится, что ссылаясь, цитируя, исследуя, изучая, восхищаясь, а нынче и «критикуя» труды Сахарова и Солженицына, братья нажили себе писательский капитал да и денежный тоже. И после всего этого, протискиваясь за чем-то боком в открытое доброжелательство того и другого, начали братья не просто спорить со своими благодетелями по проблемам, а взяли и толкнули их в «открытые объятия КГБ». И тут нельзя согласиться с Валерием Чалидзе, который в своем письме к Жоресу Медведеву пишет, что «огорчен теперь в связи с поразительно резкой и оскорбительной реакцией некоторых критиков Вашего и Роя выступлений...». Доброта — это прекрасно! Умение себя вести — тоже! Интеллигентность — тоже! Но только соединенные вместе и обращенные к недостойным, они однажды наносят непоправимый вред не только честным и добрым людям, но идее. И еще: уж очень подходит весь «медведевский случай» по стилю и приемам под метод, который использует СССР в своей официальной политике для раскола западных демократий. И это видно невооруженным глазом.

27 апреля 1974 г.
Нью-Йорк

В. Д. САМАРИН

Наша ответственность*)

1.

Никогда еще в истории человечества прядущие катастрофы не были явлены так отчетливо, как теперь, когда религиозное видение подтверждается научными прогнозами.

Наука говорит: человечеству угрожает перенаселение земного шара, невиданный голод, загрязнение окружающей среды.

Истинно так... Но когда в ваш дом ворвались бандиты и приставили к виску револьвер, вряд ли вы будете обсуждать с вашей семьей вопрос о том, что на будущей неделе может начаться наводнение и ваш дом, возможно, пострадает.

Не в каком-то отдаленном будущем, а вот теперь, в этот час, не револьвер, а водородная бомба у виска человечества, и может случиться, что не только перенаселять — просто населять Землю нашу будет некому.

Дмитрий Панин, вырвавшийся недавно из Советского Союза, в книге своей «Записки Соловдина», выпущенной «Посевом», пишет:

«Опромяная, в основном христианская страна превратилась в питомник выращивания новой породы людей, сформированной в обстановке тотального террора и массового безбожия.

... Выкристаллизовалось новое общество, управляемое питекантропами».

Водородная бомба в руках питекантропов — вот зримое апокалиптическое видение, что встает сейчас перед нашим мысленным взором.

Размышляя о будущем, Солженицын говорит в своем «Письме»:

«... наиболее вероятно все же, что западная цивилизация не погибнет».

И вслед за тем задает судьбоносный вопрос: «Но — мы?».

По подсчетам проф. И. А. Курганова, наша страна потеряла за полвека свыше ста миллионов человеческих жизней.

Пережив страдания, каких не видела ни одна страна в мире, Россия снова стоит перед тяжкими испытаниями. Опасность войны с Китаем очевидна. По всем данным, руководство КПСС подготовило уже превентивный удар по Китаю. Руководство КПК, Коммунистической партии Китая, готовит страну к длительной партизанской войне.

Крупный советский ученый, невозвращенец Александр Федосеев («Посев» № 11, 1973) предполагает, однако, что дальневосточный конфликт, как и мирные заверения, обращенные к Западу, лишь дымовая завеса, за которой руководство КПСС готовит удар по Западной Европе.

Начать войну на Западе, не урегулировав конфликта с Китаем, опасно.

Но кто может поручиться, что наследники Мао Цзэ-дун не пойдут наговор с руководством КПСС?

И тогда война против Запада станет реальностью.

Коммунистический режим угрожает атомной катастрофой, тотальным порабощением, между тем именно в капиталистическом мире, которому угрожает, находит поддержку.

Когда, в годы коллективизации, на улицах наших городов лежали трупы умерших от голода, когда в гиблые места Сибири и Дальнего Севера шли эшелоны раскваченных, — именно капиталистическая Америка признала антинародную власть законной властью России.

И теперь, на наших глазах, и Америка, и Европа спешат на помощь коммунистическим режимам.

Очевидно, эта помощь коммунизму входит в чьи-то корыстные расчеты: во что бы то ни стало торговать, во что бы то ни стало умножать и так умноженные прибыли...

*) Речь, прочитанная на Митинге непримиримости в Нью-Йорке 28 апреля 1974 года.

Как еще объяснить то необъяснимое, что происходит, когда хозяева крупнейших банков Америки и Европы, в тайне от мировой общественности, подписывают договоры, обеспечивающие руководству КПСС подготовку к войне?

2.

Вопрос об ответственности за Октябрьскую революцию и теперь, через полвека, продолжает волновать умы.

На Западе вопрос этот решается просто: виноват во всем русский народ, революцию совершивший, диктатуру поддерживающий.

Мы сами склонны к крайностям, поэтому так настойчиво повторяются два, исключаящие друг друга утверждения.

Одни утверждают, что Октябрьскую революцию сделали нам некие злые силы, а мы ни в чем не виноваты.

Другие, наоборот, подливая масло в огонь руссофобских концепций, утверждают, что русский народ и только русский народ ответствен за революцию и ее последствия.

Прав академик Сахаров: «Своя доля исторической вины... у каждого народа нашей страны».

И действительно —

— считать, что революция нам сделана кем-то, — значит унижать великий народ, изображать его неспособным защитить самого себя в критические периоды истории;

— считать же, что революцию сделал только русский народ, — значит противоречить историческим фактам.

Не одни русские готовили и возглавили Октябрьскую революцию.

Не одни русские были в карательных органах большевизма.

Не из одних русских состояла его армия.

Не в Белой, а в Красной армии были интернациональные части: китайские, немецкие, австрийские, латышские.

В то же время в Белой армии рядом с казаками сражались горцы Кавказа, сражались калмыки, геройской борьбой своей утвердившие неразрывность своей и нашей судьбы.

Исторические факты можно замолчать, как это и делается, но их нельзя опровергнуть.

Исторические факты говорят еще о том, что народ наш, все народы России вели и ведут борьбу против коммунистического режима.

Когда история давала возможность, в эпоху Гражданской и Второй мировой войны, — оружие в руки брали десятки, сотни тысяч людей.

У каждой эпохи есть свои похоронщики, у каждого поколения есть свои плакальщики.

Над поколением наших отцов, над нашим поколением пролило немало горьких слез, сказано немало горьких слов.

Не пора ли сказать слова иные?

Мы должны снова сказать, что Белое движение войдет в историю России как одна из самых героических ее страниц, как событие, исторически оправданное, России необходимым.

Мы должны сказать, что так же исторически оправдано было и Власовское движение.

С оружием в руках боролись против большевизма участники восстаний двадцатых и тридцатых годов.

Еще не кончилась Гражданская война, как начались крестьянские восстания. Знаменитое Антоновское восстание подавляли карательные и регулярные войска. В марте 1921 года восстали моряки Балтфлота.

Басмаческое движение продолжалось до 1925 года.

Насильственная коллективизация вызвала массовое сопротивление крестьян, волнения и восстания в Средней России, на Украине, в Сибири.

На Алтае повстанцы угрожали Бийску и Барнаулу.

На Северном Кавказе против восставших была брошена авиация.

Во время Второй мировой войны в занятых немцами областях фактически велась малая гражданская война.

Так называемое партизанское движение было направлено не столько против оккупантов, сколько против местного населения, и против партизан сражались добровольческие батальоны и крестьянские отряды самообороны.

В труднейших исторических условиях рождалось, слишком поздно оформилось Освободительное Власовское движение.

Автор Самиздата Иван Русланов в книге «Молодежь в русской истории», выпущенной за рубежом «Посевом», пишет:

«С немцами против советской власти, а затем с русским народом против немцев, — вот что думали сотни тысяч солдат и офицеров, стремившихся попасть в ряды Русской Освободительной Армии (РОА)».

С глубоким пониманием корней и трагедии Власовского движения пишут Солженицын и Дмитрий Панин.

3.

Признаем: разброд и паника, охватившие правящих после смерти Сталина, не были использованы народом и армией.

Восстания рабочих Новочеркасска и Темир-Тау пришли слишком поздно, когда власть укрепила свои позиции.

Венгерская революция могла быть началом цепной реакции восстаний от Будапешта до Владивостока, не будь сдерживающих тормозов страха перед диктатурой, не будь политики уступок со стороны Запада.

Признаем: дряхлеющей идеологией марксизма-ленинизма одурманено еще немало людей и в самом Советском Союзе, и особенно на Западе.

Но именно в Советском Союзе начался необратимый процесс духовного освобождения, под знаком которого прошли последние пятнадцать лет.

В результате этого процесса началось пробуждение совести новой, советской интеллигенции, начался отход молодежи от марксистских догм.

Явление академика А. Д. Сахарова, немыслимое в 30-х или 40-х годах, — свидетельство все обостряющегося конфликта лучшей части интеллигенции с диктатурой.

Еще напряженнее отношения между властью и мыслящей молодежью.

«Новое поколение, — пишет Иван Русланов, — есть та общественная сила в России, которая противостоит коммунистическому режиму, свидетельствуя о том, что он безнадежно устарел и, не имея ни смены, ни будущего, исторически обречен».

Признаем все же: мощному аппарату насилия противостоят еще недостаточные силы.

Между тем, голоса из подпольной России, голоса того движения, что можно уже смело назвать освободительным, продолжают звучать и глубокой тревогой, и надеждой, и призывом.

Со всей своей силой этот призыв прозвучал в Уставе Всероссийского социал-христианского Союза освобождения народов или просто Союза освобождения.

Возглавленный Игорем Огурцовым, состоявший из людей нового поколения, Союз освобождения был разгромлен органами КГБ, но историческую свою роль несомненно сыграл.

В первой своей стадии деятельность Союза носила чисто идейный характер, поэтому Владимир Осипов и назвал Союз «Бердяевским кружком».

Между тем, в документе, написанном, по всей вероятности, уцелевшим членом Союза и опубликованном за границей («Посев» № 1, 1971), сказано ясно:

«Структура Союза, согласно Уставу, должна была соответствовать основной цели: вооруженному свержению существующего строя».

Союз освобождения состоял в основном из людей верующих, и будущую Россию они мыслили как государство христианское, далекое от какой бы то ни было нетерпимости к другим религиям.

Пробуждение религиозного сознания в народе — то принципиально новое, что я вижу сейчас в освободительном движении.

Это подтверждает и писатель Владимир Максимов, недавно выехавший за границу.

«Религиозное движение, — по его словам, — самая мощная струя общественного движения».

4.

В результате жестоких репрессий со стороны власти освободительное движение вступило сейчас в период кризиса.

Одни участники его погибли, другие в концентрационных лагерях и психотюрьмах, третьи — за границей.

Среди тех, кто погиб, Борис Талантов и Юрий Галансков, чьи имена, верю, забыты не будут никогда.

Среди тех, кто в заключении: Игорь Огурцов, Владимир Буковский, Петр Григоренко, Борис Емельянов, Леонид Плющ, Юрий Шиханович, Эдуард Кузнецов, Виктор Хаустов.

Люди разных оттенков политических взглядов, разной национальности — едины в своем противостоянии антинародной власти.

Среди тех, кто теперь за границей, А. И. Солженицын, имя которого знает весь мир.

Будем верить, что и здесь будет он служить делу освобождения родины, как служил до сих пор.

Вслед за ним я хочу назвать В. Е. Максимова, писателя, трудным путем пришедшего к Богу, видящего человека, способного преодолеть бесовщину коммунизма.

Все чаще слышен вопрос: а что будет теперь, когда часть участников освободительного движения за границей?

На одной из своих пресс-конференций Владимир Максимов сказал:

«Процесс в нашем обществе необратим. Его можно только задерживать, но не остановить».

И уточнил:

«Как только выехали за границу одни участники движения, их место тотчас заняли другие».

И действительно, на место вышедшего из Комитета прав академика Сахарова появились новые люди.

Открыто выступили: Лидия Чуковская, Борис Корнилов, Виктор Некрасов.

Резкое письмо, обличающее правящих, передал в Самиздат член-корреспондент Армянской Академии наук — Ю. Орлов.

Свято место действительно пусто не бывает...

Но что же дальше? Есть ли надежды на уступки со стороны власти, на мирный путь реформ?

Все говорит о том, что надежды эти призрачны, что диктатура не пойдет на уступки, не допустит коренных реформ.

Но власть в руках питекантропов, по слову Солженицына, вечна не будет.

«Свобода будет куплена, — пишет автор Самиздата «Василий», — страшной ценой: с властью расправятся их же монетой».

Возможность стихийного революционного взрыва страшит власть, но и пугает интеллигенцию.

«... смотрите, — предостерегает правящих Лидия Чуковская, — чтобы из-под земли не вырвался подлинный пне».

«... Он утопит в крови, без разбора, и виноватых, и правых».

«Когда прекращается шепот неба, — пишет автор Самиздата Григорий Померанец, — начинает вдохновлять бес...».

Истинно так: бесы — Ленин и его окружение — вдохновляли революцию, сознательно разжигали низменные инстинкты масс, обращались к самому худшему, что есть в человеке.

А раз так, значит события будущего, если суждено им свершиться, будут событиями антибесовскими, духовная сущность которых и определит границы законного возмездия бесам, оградит человека от беззаконной мести.

Какие бы, однако, жертвы ни принесли внутренние потрясения в центре страны или на окраинах, — они не смогут сравниться с жертвами и бедствиями современной войны.

Только ликвидация коммунистического режима устраним угрозу атомной катастрофы.

Именно об этом говорит в поэме «Человеческий манифест» Юрий Галансков, погибший в неволе, но не сдавшийся, — призывая свое поколение, всех, кому дорога родина:

Вставайте!

Вставайте!

Вставайте!

О, алая кровь бунтарства!

Идите и доломайте

гнилую тюрьму государства!

Не будем гадать — будем верить: день тот придет.

Потому что без веры жить нельзя.

Рецензии

Ю. Сречинский, Как мы покорялись. Цена Октября. Изд. Книжное дело «Заря» (Zaria, 73 Biscay Road, London 74, Ont., Canada). 53 стр., 2 канадских долл.

Автор прав, утверждая, что борьба русского народа с большевиками по сей день мало известна не только иностранцам, но и нам, русским. Мало кто знает об ожесточенном сопротивлении всего русского народа этому насилию. Сравнительно хорошо освещено Кронштадтское восстание, но что известно о восстании ижевских и водкинских рабочих? Кое-что известно о восстаниях в Белоруссии и на Украине. Но почти ничего не знают о восстаниях в центральных губерниях Европейской России и в Сибири.

В то же время эти восстания были настолько серьезны, что Ленин на X съезде РКП(б) в 1921 году сказал о них, что они «представляют опас-

ность, во много раз превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, взятых вместе. В период 1918—1922 гг. были уничтожены миллионы. Известный чекист Лацис пишет в своей брошюре «Два года борьбы на внутреннем фронте», что только в 1918 г. было подавлено 245 восстаний, причем эти цифры далеко не полны.

Особое внимание автор уделяет так называемому Антоновскому восстанию в Тамбовской губернии с августа 1920 г. по июнь 1922 г. Автор приводит биографические данные Александра Степановича Антонова, сына слесаря из села Инжавино, впоследствии возглавившего восстание крестьян в Тамбовской губ. Крайне интересна организация повстанческих армий и описание их многолетней борьбы с крупными отборными частями коммунистической власти. Так, против Антонова были брошены: полк ВЧК и три полка ЧОН из Москвы, полк ЧОН и Интернациональный полк из Казани, 15-я Кавдивизия, три бронепоезда, три бронетра-

да. Антонов располагал двумя армиями, состоявшими из 21 полка и отдельной бригады с общей численностью от сорока до пятидесяти тыс. (иногда до ста тыс.).

Характерно для значения и размаха Тамбовского восстания воззвание к красноармейцам, которое автор приводит (из архива Б. И. Николаевского): «Красноармейцы! Пробил час нашего освобождения. Наступил момент избавления от красных самодержавцев, засевших, как соловей-разбойник, в Москве Белокаменной, опоганивших наши святыни, наши иконы со святыми мощами, проливших море невинной крови отцов и братьев наших, обративших в непроходимую пустыню наше сильное и богатое государство. Для спасения отчизны, для вырочки Москвы из рук красных палачей я принял на себя командование всенародным ополчением в г. Тамбове, как некогда Минин и Пожарский собирали полчища народные в славном Нижнем Новгороде. Сейчас в моем распоряжении 120-тысячная ар-

мия. Вот вам мой приказ: Невзирая ни на какие препятствия, немедленно выступайте в поход на соединение с моим ополчением... Отечество в опасности, оно зовет вас на подвиг. Итак, за мной на выручку Москвы. С нами Бог и Народ! — Командующий всенародным ополчением Антонов. г. Тамбов».

Подавляет приводимая статистика жертв красного террора: 1 767 018 чел. (до осени 1919).

Мы полагаем, что труд Ю. Сречинского до некоторой степени заполняет имеющийся пробел в истории гражданской войны. Она, несомненно, очень ценна, так как освещает для многих забытые и малоизвестные страницы нашей истории.

С. О.

Isaak Steinberg, Gewalt und Terror in der Revolution (Насилие и террор в революции). Verlag Karin Krammer (BRD). 338 S., 11 DM.

Автор книги — левый социалист-революционер, был министром юстиции в первом правительстве Ленина в 1917 г. Но уже летом 1918 г. он был принужден уйти и покинуть советскую Россию.

Основной темой книги Штейнберга является взаимоотношение насилия и освобождения, — тема, не потерявшая и сегодня актуальности. Автор не противник индивидуального террора, но он считает, что «средства должны соответствовать намеченной цели», «не цель оправдывается средствами, не все позволено». Он признает необходимость применения насилия, но он ограничивает его применение. Так он считает правильным индивидуальный террор, применявшийся эсерами-боевиками по отношению к предателям царского режима, но отрицает террор как основу большевистской власти. Его можно назвать философствующим идеалистом. Он считает, что всякая власть, потерявшая идейное содержание, неминуемо обречена на гибель. Следуя его высказанному утверждению, диктатура пролетариата в России, превратившаяся в диктатуру полицейского аппарата, лишившись таким образом идейного содержания, обречена на гибель.

Настоящее издание книги является вторым. Впервые она была напечатана в издательстве Революция в 1931 г.

С. О.

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

• 4 января в Мюнхене (ФРГ) в переполненном зале Русской библиотеки состоялся концерт Александра Аркадьевича Галича. В своем вступительном слове А. А. сравнил свои выступления в Сов. Союзе и в свободном мире. Первое отделение концерта было посвящено поэтам и писателям, замученным и затравленным в Сов. Союзе. Во втором отделении преобладали песни, характеризующие повседневную жизнь в Сов. Союзе. Концерт был закончен лирическими стихотворениями: «Когда я вернусь», «Закливание Добра и Зла», «Сто первый псалом» и др.

• Русская певица Е. А. Долина отметила в С.-Питерсбурге (США) 25-летие своей артистической деятельности концертом. Юбилярша исполнила: «Я ли в поле да не травушкой была» Чайковского, «Грусть» на тему этюда Шопена; третью песню Леля из оперы «Снегурочка», речитатив и арию Любавы из оперы «Садко» Римского-Корсакова, песню Лауры из оперы «Каменный гость» Даргомыжского. Вместе с Е. А. Долиной выступили Н. А. Столяр — русские народные песни, П. Г. Грибова — цыганские песни и В. Жемчужникова — участница квартета, все в русских боярских костюмах. Прекрасно аккомпанировал А. Омельский.

• В Нью-Йорке идут гастроли выдающегося танцовщика Рудольфа Нуреева. Спектакль назван «Нуреев и его друзья». Главная партнерша Нуреева — молодая солистка британского Королевского

балета Мерл Паркс. В программе спектакля четыре современных балета.

• В зале им. Рахманинова в Нью-Йорке 9 февраля состоялся 25-й юбилейный вечер, посвященный русским классикам, под управлением П. Н. Ахматовой. В программе: Гоголь — сцены из «Мертвых душ» и «Женитьбы»; Бунин — «Темные аллеи»; «Русский терем» — музыкальный скетч из русских композиторов. Участвовали П. Н. Ахматова, Элеонора Амлен, Александра Лангада, Л. В. Маршалова, Туся Пономарева, В. Т. Балабанов, В. В. Смирнов, В. Б. Штейн. Концерт при участии Алины Бричевой, Зинаиды Якубовой и Жоржа Христовя. Уроля М. А. Раковская.

• В Сиднее (Австралия) несколько лет существует кружок любителей старинных русских романсов. В настоящее время уже собрано и записано на ленту более трех тысяч русских романсов и песен. Кружок обращается к соотечественникам во всем мире с просьбой о присылке пластинок с романсами и песнями председателю кружка по адресу: Sydney 2010, 95 Surry Str. — Darlinghurst, N.S.W. Australia.

• После прекрасного концерта в Линкольн-Сентер в Нью-Йорке Русское хоровое общество под руководством Владимира Руденко выступило в зале общества «Родина» в Лейквуде. Чистый доход поступил в пользу приходской школы при храме св. Александра Невского.

• Св.-Серафимовский фонд устроил 2 февраля в зале им. Рахманинова в Нью-Йорке вечер докладов, посвященных теме: «Быт и трагедия, их значение и формы выражения в русской жизни». С докладами выступили Г. П. Дейницына — «Лето Господне» Шмелева и прот. А. Кисилев — Опыт прошлого в современности. Вступительное слово сказал проф. Н. С. Арсеньев.

• «Несмотря на то, что 10% государственного бюджета СССР идет на феноменальное вооружение, советские руководители вряд ли пойдут сейчас на риск войны» — один из главных тезисов проф. М. В. Гардера в его докладе 23 февраля в Брюсселе, устроенном РНО.

• На 116-м выпуске Устной газеты в Брюсселе было отмечено 250-летие со дня смерти Петра Великого. Этой теме были посвящены доклады В. В. Орехова — «Памяти Царя Преобразователя» и А. Г. Дисского — «За и против Петра Великого».

• 12 января в Нью-Йорке состоялся вечер, посвященный творчеству А. П. Чехова. Были показаны «Медведь» и «Юбилей».

• Проф. Павел Дмитриевич Ильинский прочитал 1 декабря в Нью-Йорке в зале им. С. Рахманинова доклад об Эрмитаже, художественной сокровищнице России. Докладчик рассказал о том, как уже император Петр I начал собирать художественные ценности. Впоследствии императрица Екатерина II назвала эту коллекцию «Эрмитажем», что означает «уединение». В те времена при дворцах устраивали такие помещения для личных бесед и обставляли их предметами искусства. В настоящее время Эрмитаж занимает несколько зданий. Одно из них — Зимний дворец. П. Д. продемонстрировал снимки наиболее известных картин и скульптур из общего числа в два с половиной миллиона, хранящихся сейчас в Эрмитаже. Докладчик назвал несколько ценнейших картин, проданных советским правительством за границу: «Венера с зеркалом» Тициана, автопортрет Веласкеза, некоторые картины Рембрандта. Большинство этих картин находятся в музеях США.

• 13 декабря в Русской библиотеке Толстовского фонда в Мюнхене (ФРГ) состоялся доклад В. В. Орехова на тему: «Стратегический охват Европы Советским Союзом».

• 8 декабря в гор. Лейзене (Швейцария) состоялась встреча организации «Православное дело», на которую прибыли члены организации из Швейцарии, Франции, Бельгии и Германии, главным образом молодежь. С докладом выступил А. Э. Левитин-Краснов, рассказавший о духовной обстановке в СССР. Докладчик сообщил об аресте в гор. Александрове в Сов. Союзе Владимира Николаевича Осипова, борца за духовное возрождение России. На встрече в Лейзене было составлено воззвание с призывом принять участие в протестах и требованиях освобождения В. Н. Осипова. Это Обращение, переведенное

и разномышленное на иностранных языках, было подписано Архиепископом Антониюм, председателем «Православного дела», и представителями молодежи: Париж — Г. Малко, Лион — Г. Иванов-Тринадцатый, Женева — М. Турцевич, Лозанна — П. Кантакузен, Мюнхен — Т. Босс, Буэнос-Айрес — В. Арцимович, Франкфурт — Т. Чепурная, Брюссель — А. Арцимович.

• 29 декабря в Нью-Йорке проф. В. И. Гребенщиков прочитал доклад на тему: «Русский человек в войне и революции по Пастернаку и Шолохову». Докладчик подробно остановился на двух героях романов названных авторов — Григории Мелехове и Юрии Живаго. После доклада состоялась оживленная дискуссия.

• Д. М. Панин избран почетным членом «Европейского почетного Сената», на заседании которого в Антверпене (Бельгия) он сделал 22 февраля доклад о возрождении христианской России. Указанная организация, только недавно образовавшаяся, одной из своих важнейших задач считает содействие европейскому единению.

• В городах Флориды Санкт-Петербурга и Голфпорте (США) постепенно возникает новый русский центр. Успешно работает русско-американский клуб. Так 27 декабря был устроен концерт-доклад в память А. С. Пушкина в связи с 175-летием его рождения. В Голфпорте находится православный храм Андрея Первозванного.

• Общество им. Чехова в Оттаве (Канада) обращается ко всем русским людям с просьбой жертвовать книги для создания библиотеки. Писать следует по адресу: Чеховское общество в Оттаве, P.O. Box 4156, Station E, Ottawa, Ontario, Canada.

• Настоятель Св.-Скорбященского храма в Джелонге (Австралия) о Владимир Евсюков заснял фильм «Третий Всезарубежный Собор Русской Православной Церкви за границей». Первый показ этого фильма состоялся 1 декабря в зале Св.-Покровского собора в Мельбурне.

• 10-й съезд русской православной молодежи состоялся в зале Св.-Покровского собора в Мельбурне (Австралия) с 25 по 31 декабря. На съезде обсуждались следующие вопросы: 1. Загробная жизнь; 2. Символизм в православном богослужении; 3. История происхождения Русского Национального Герб; 4. Разногласия в Советском Союзе; 5. Документальный фильм о Третьем Всезарубежном соборе; 6. Святые места в Палестине.

• При приходской школе Св.-Покровского собора в Мельбурне (Австралия) создается пришкольная группа молодежи. В эту группу предполагается собрать детей, окончивших все восемь классов школы. Таким образом может образоваться девятый класс, в котором преподавались бы по академическому принципу Закон Божий, история Церкви, литература и т. д. Постепенно руководство этой группой должно будет перейти в руки молодежи. Настоятель прихода о. Дмитрий Симонов пригласил родителей школьников собраться после молебна 2 февраля для обсуждения этого проекта.

• Школа с интернатом для православных арабских девушек основана в Вифании (Израиль) в 1957 г. Особое внимание школьных работников обращено на воспитание детей в духе православия, с соблюдением церковных обычаев и молитвенных правил Русской церкви и неустанные усилия направлены на приобретение ими моральных принципов поведения и понимания культурных ценностей, общих всему человечеству. В прежние годы в школе училось около 80 девочек. С помощью 9 преподавателей девочки обучаются Закону Божию, арабскому, русскому и английскому языкам, математике, истории, географии и естественной истории.

• Общество содействия образованию русских детей в Мюнхене (ФРГ) сообщает, что в доме общества в Эберсберге будет организован весенний отдых во время каникул на Троицу, с 17 по 31 мая с. г. Как занятия намечены: народные танцы, пение, игры и прогулки, а, кроме того, постановка маленькой комедии. Принимаются и дети, не состоящие в школе общества, говорящие по-русски.

• В 1914 г., более шестидесяти лет тому назад, скаутмастер Анохин основал в Киеве первый отряд разведчиц. По случаю 60-летнего юбилея в Декер-Каньоне, в горах Санта-Моника (США) состоялся слет русских разведчиц и разведчиков, братских организаций НОРС и ОРЮР.

• Около двух лет тому назад группа родителей русских скаутов в Сан-Франциско (США) внесла первый взнос на покупку дома. На днях дом был передан национальной организации русских разведчиков.

• Русский национальный комитет в Швейцарии устроил 12 февраля в Лозанне рождественский вечер с елкой и концертом. Среди выступавших певцов и танцоров было много детей.

• Льежский (Бельгия) отдел РНО отмечает в этом году 50-летие своего существования. 1 марта председатель РНО В. В. Орехов прочел доклад о Петре Великом в связи с 250-летием его кончины.

• Периодический журнал Объединения кадет зарубезных кадетских корпусов № 9 был выпущен к 4-му съезду кадет, который состоялся в Нью-Йорке.

• Общее годовое собрание Русской академической группы в Париже состоялось 22 февраля. Повестка дня: доклад правления и ревизионной комиссии о деятельности группы за 1974 год, выборы нового правления, доклад председателя проф. Гейша.

• Организационный комитет по организации Дня непримиримости в Мельбурне (Австралия) постановил День непримиримости в этом году провести 17 ноября.

• Инвалидный бал в Лос-Анджелесе (США) состоялся в зале Сирийской церкви. Проведена блестящая концертная программа. Председатель комитета по устройству бала — Борис Петрович Есипов, секретарь — Георгий Леонидович Граф, казначей — Леонид Алексеевич Усачевский.

• В 1976 г. США будут праздновать 200-летие Соединенных Штатов. Конгресс русских американцев взял на себя обязательство подготовить достойное выступление русской этнической группы на этих празднествах. Особое внимание будет уделено пресечению шовинистических выступлений отдельных этнических групп против России и русских. Нельзя забывать «Закон о порабощенных нациях».

• Еще сейчас в Канаде живут обособленной группой около 18 000 духоборов, в начале этого века выехавших из России. Центром «Духобории» считается гор. Гранд-Форкс. Там живет нынешний глава духоборов Иван Иванович Веригин. Имеется общий дом для молений и собраний. Зал вмещает 2 000 чел. Издается еженедельная газета «Искра», имеется школа и библиотека.

• В связи с демонстрацией в Бонне перед зданием сов. посольства в защиту В. Буковского Общество защиты прав человека передало для прессы следующее заявление: «Десятки тысяч граждан ФРГ выступили в защиту В. Буковского и подписали петицию к Советскому правительству, которую советский посол в Бонне не только не пожелал принять, но дал указание выбросить в реку. Это циничное пренебрежение общественным мнением населения. Несмотря на такой цинизм, Общество за-

ВНИМАНИЕ!

К сожалению некоторые наши корреспонденты не обратили внимания на то, что около трех лет тому назад переменялся адрес редакции «Зарубежья». Почта, посылаемая по старому адресу, если вообще доходит, то с

опозданием. Начиная с этого года изменился и номер нашего банковского счета.

Во избежание нежелательных задержек, очень просим наших корреспондентов сверить имеющийся у них адрес с указанным на последней странице журнала.

циту прав человека будет продолжать свои усилия по освобождению В. Буковского. Петиция и подписи будут посланы в Москву премьер-министру Косыгину с описанием происшедшего».

• Русская академическая группа на собрании 11 февраля в помещении Св.-Серафимовского фонда под председательством Л. Д. Ржевского избрала в Нью-Йорке новое правление. Избраны: председателем — Н. С. Арсеньев, членами правления — Е. А. Александров, К. Г. Белоусов, Б. А. Константиновский, А. П. Оболенский, С. А. Панин, Ю. А. Семенов, Е. Т. Федукевич, В. С. Федукевич, Н. В. Федоров, Р. Хауг, А. П. Щербак; запасными членами — Т. В. Калинина, Н. А. Натова, А. А. Федоров; представителями на местах — В. И. Гребенчиков, П. Е. Ковалевский, Н. П. Полторацкий, С. Г. Пушкарёв, Г. П. Струве, П. С. Шидловский; в ревизионную комиссию — А. Н. Копылов, Н. В. Козьякин и А. И. Натов.

• По инициативе I отдела Русского общецерковного союза, Союза участников 1-го Кубанского ген. Корнилова похода и Объединения степняков-партизан 23 февраля в Кафедральном соборе Александра Невского в Париже было совершено молебствие по случаю 57-й годовщины начала походов: Ледяного, Степного и Дроздовского.

• Славянский отдел Макалестер Колледжа (Сент-Пол, Минн., США) организует каждое лето на Толстовской ферме интенсивный курс по изучению русского языка. Курс проводится в настоящей русской обстановке и русском окружении. Этим летом Славянский отдел Макалестер Колледжа проведет такой же 8-недельный интенсивный курс русского языка. За всеми справками обращаться в Макалестер Колледж.

• Казак Леонид Васильевич Кузнецов, подполковник инженерных войск французской службы, награжден орденом «Ordre National du Mérite».

• В русской газете «Единение», выходящей в Мельбурне (Австралия), в № 32 от 9. 8. 1974 г. в статье «Истины ради», подписанной инициалами «И. С.», помещены интересные статистические сведения, относящиеся к 1963—1965 гг., которые приводим без комментариев.

	США	СССР
Население	197 000 000	235 000 000
Людей, занятых сель. хоз.	7 400 000	48 300 000
Засеянная площадь (акр.)	392 000 000	568 000 000
Тракторов	4 657 000	1 451 000
Акр. под пшеницей	49 846 000	161 000 000
Урожайность (буш./акр.)	27,2	10,6
Рогатого скота	107 000 000	87 000 000
Свиней	53 100 000	52 000 000
Птицы (в фунтах)	7 383 000 000	1 984 000 000

• Совет Православного палестинского общества в Иерусалиме постановил наградить Генерального консула США Артура Дей золотым Орденом I степени Православного палестинского общества в признание его искреннего участия и поддержки идеалов общества в Святой Земле. В связи с этим в административном центре общества и Русской духовной миссии в Иерусалиме на Русских раскопках был устроен 3 февраля официальный прием, на котором, в присутствии гостей-дипломатов, состоялось возложение Знака-Ордена на г-на Дей. Церемония возложения Ордена была проведена Архимандритом Антонием (Габбе), являющимся Вице-председателем Общества и Начальником Русской духовной миссии. Архимандрит Антоний коротко рассказал об истории Общества и его деятельности на Ближнем Востоке, которая проявлялась главным образом в защите и поддержке православия и в особенности в поощрении паломничества, раскопок на Святой Земле и публикации научных сведений о них. Он также объяснил, что Совет Общества награждает Знаком-Орденом тех людей, которые служат идеалам Общества и содействуют его деятельности в Святой Земле. Общество было основано в 1882 г. Архимандрит Антоний вручил г-ду Дей две грамоты — на английском и русском языках — с золотой печатью Православного палестинского общества, и возложил на него золотой Знак-Орден на голубой ленте.

• «Существующая в Ницце (Франция) более 110 лет часовня наследника цесаревича Николая Александровича пришла в ветхость и нуждалась в ремонте. Два года тому назад русский приход в Ницце обратился с возванием к верующим с просьбой о пожертвованиях. Комитет возглавила В. Н. Фальц-Фейн. Было собрано почти 90 000 франц. франков. От городской управы было получено 30 000. Теперь часовня полностью отремонтирована, включая реставрацию икон и позолоту. Работами руководили архитектор А. М. Свечин и художник-реставратор г. Сеппа.

• Приход Покровского храма в Цюрихе (Швейцария) готовит на конец мая 1975 г. паломничество в г. Лиенц (Австрия), место гибели многих тысяч русских, выданных 1 июня 1945 г. англичанами советским властям на верную смерть. Программа паломничества: 31 мая автокар отъезжает от вокзала Орликон (Цюрих) в Мюнхен. Посещение обители преп. Иова. Обед в монастыре. Отъезд в Зальцбург. Всенощное бдение в православном храме в Зальцбурге. Желающие осматривают город. Отъезд в Лиенц и Литургия в православной церкви Архистратига Михаила. Панихида на кладбище на берегу р. Дравы (место выдачи). Отъезд в Мерано. Молебен в русском храме. Осмотр города. Отъезд в Мантую. Молебен у гробницы Лонгина Сотника, что при Кресте у Голгофы. Осмотр города. Отъезд в Милан. Поклонение православным святыням (гробница Трех Волхвов, мощи св. Ам-

вросия и мучч. Гервасия и Протасия, Виктора, Наталии). Отъезд в Швейцарию. Остановка в Сен-Готарде у памятника А. Суворову. Прибытие в Цюрих в среду вечером 3 июня. Подробную программу желающие могут получить у организаторов. Стоимость поездки с питанием и ночлегом 287 швейц. франков. Необходима заблаговременная запись. Писать секретарю Приходского совета: В. Даувальдер, 8050 Цюрих, Шафхаузерштрассе 446, Швейцария. Желающие присоединиться с юга Франции могут обращаться в русскую церковь в Каннах.

• Настоятелем церкви св. Великомученика Георгия Победоносца в Марселе (Франция) о. Миодрога Глишичем вот уже третий год выпускается листок на русском и французском языках — «Журнал Паруассиаль». Выходит он каждые два месяца на 8—9 стр. На обложке печатаются репродукции икон или фотографии из приходской жизни. Помимо расписаний богослужений, в листке дается приходская хроника, объяснение таинств, служб. Печатаются также статьи на актуальные темы общего характера.

• В типографии братства преп. Иова в США частично переизданы «Диспуты с безбожниками» известного апологета Ф. Мельникова. Автор получил большую известность в годы после октябрьского переворота, когда он выступал на многочисленных и многолюдных митингах в защиту православной веры. Уже в то время его диспуты с безбожниками издавались за границей и оттуда ввозились в Россию.

• Русское благотворительное общество открыло в Камбраматта (Австралия) старческий дом-госпиталь на 75 кроватей. Постройка-госпитальное оборудование госпитальной стала возможной благодаря помощи государственного департамента социального обеспечения и отзывчивости русских людей.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин
Секретарь редакции А. Желнин

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника

Адрес редакции:
SARUBESCHIE
8 München 86
Postfach 860327
Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 25.00784.01
Банк: Reuschel & Co.
8 München 80, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14